

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в.

В XVI в. — «киргиз-кайсацкие орды» объединились под главенством хана Хакк-Назара. Объединение носило название Уч-Юз.

Персидский автор истории «Тариха-Хайдери» (1611 г.) называет Хакк-Назара государем казахским и киргизским.

О нападениях на ногайские улусы «казацкой орды» Хакк-Назара царя, Шигая царевича и Челыеса царевича — доносит посланный к ногайцам от царя Ивана Грозного Семен Мальцев.

Впервые о казахах заговорили в Московском государстве в XVI в. К казахскому хану был послан Иваном Грозным посланец Третьяк Чебуков. Посол не добрался до казахского хана и в 1573 г. был взят в плен близ Камы племянником сибирского хана Кучума — Маметкулом.

В дальнейшем Иван Грозный ограничился посылкой грамоты братьям Строгановым о беспопытной торговле с «киргиз-кайсаками» (30 мая 1574 г.).

Во главе «киргиз-кайсаков» после Хакк-Назара стал двоюродный брат Шигай. В 1582 г. хан Шигай с «киргиз-кайсаками» участвовал в походе на Баба-Султана вместе с Абдуллою.

В борьбе с Баба отличился сын Шигая Султан-Тевкель. По окончании войны Султан-Тевкель получил от Абдуллы пожалование богатой одеждой и деньгами и богатый удел.

В 1586 г. Султан-Тевкель, пользуясь отсутствием Абдуллы, напал на Туркестан, Ташкент и Самарканд, но подошедшие из Самарканда войска во главе с братом Абдуллы Султаном-Ибадуллою отогнали отряды Султана-Тевкеля.

К 1594 г. относятся сведения о Тевкеле как о полномочном хане казахского народа.

В 1594 г. хан Тевкель пишет грамоту царю Федору и просит принять в вассалы «под царскую руку». Грамоту повез посол Кульмамет.

Посол хана Тевкеля добился встречи в Москве с кызылбашским послом Галибеком. Обрато с послом Кульмаметом были на два года посланы к хану Тевкелю переводчик Вельямин Степанов и служилые татары, а также толмач Гриша Мельников.

При отъезде Степанову было указано наедине сказать хану, чтобы «Тевкель царь и братья его царевичи — все были под царской рукой, а государь царь и великий князь учнет их от всех недругов оберегать и стояли бы они на Бухарского и на Кучум царя и послал бы царь сына Усейна, а царь Ураз-Маметь царевича отпустит».

Послу Степанову велено было подробно разузнать о местах кочевий «киргиз-кайсаков», о числе разных людей и об их сношениях с Бухарой и с Кучумом.

30 мая 1595 г. московский посол Вельямин Степанов достиг кочевья хана Тевкеля и вручил грамоту и подарки, а через два месяца повез ответ от хана с его сыном Муратом царевичем и прежним послом Кульмаметом.

Путь был трудный и безводный. На Самару вышли только 21 сентября. 1 октября прибыли в Тетюши.

К сожалению до сих пор не обнаружено в архиве феодально-крепостнической эпохи письменных источников после 1594 г., относящихся к казахам. Известно только, что после смерти хана Тевкеля объединение трех казахских орд (Большой, Средней, Малой) было нарушено. Хан Ишим, брат Тевкеля, сидел в Туркестане и Турсун-хан — в Ташкенте.

После смерти в конце 1628 г. хана Ишима в «киргиз-кайсацких ордах» утвердились следующие султанские фамилии, возглавляющие их: в Малой орде — род Булакай-Кулков или Усяков, в Средней — Ядикова или Шигаева и в Большой орде — Юльбарса.

Между тем, двигаясь с юга, узбеки захватили Ташкент. В 1630 г. образовалось Джунгарское ханство во главе с контайшей Эрдени-Батур-Убуши. Наиболее заманчивыми для джунгарцев оказались казахские степи. Завязалась борьба, растянувшаяся на полтора столетия. Сын хана Ишима хан Джегангир во время борьбы попал в плен к джунгарцам. Однако вскоре хану Джегангире удалось освободиться. В 1643 г. хан Тайцза-Батур двинулся с 50-тысячным войском в казахские владения.

Однако Джегангире удалось разбить армию Тайцза-Батура.

В конце XVII в. казахские ханы снова начали борьбу между собой.

В это время с юго-запада стали нападать волжские калмыки, с севера — башкиры и с востока — джунгары.

В 1715 г. хан Абулхайр обратился к Петру I по вопросу об обмене пленных. Через два года «киргиз-кайсацкие» ханы — Тявка, Кани и Абулхайр обратились за помощью к России. Петр I немедленно отдал распоряжение сибирскому губернатору кн. Гагарину войти в сношение с казахами и помочь им в борьбе с Джунгарией. Переговоры не привели к положительным результатам.

В 1723 г. джунгарский хан овладел Туркестаном. Средняя и Малая орда киргиз-кайсаков» откочевали к северу и западу к реке Эмбе.

Петр I внимательно следил за положением дел в Средней Азии и приготовился послать к «киргиз-кайсакам» страшного переводчика по секретным делам Мемешева (Алексея Ивановича Тевкелева). Петр I говорил «и буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться на великие издержки, хотя бы до миллиона издержать, но токмо, чтобы только одним листом под протекцию Российской империи быть обязать».

Находясь в 1722 г. в Астрахани во время Персидского похода, Петр, по словам Тевкелева, «чрез многих изволил уведомиться об оной орде, ... всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только чрез их во всех странах коммуникацию иметь и к Российской стороне полезные способности меры взять».

От времени Петра I сохранилась грамота 1717 г. 12 сентября о приезде в Тобольск к сибирскому губернатору двух посланцев из «киргиз-кайсацкой орды» с прошением: 1) примириться с ними и воевать вместе против контайши, 2) позволить строить города и прислать удостоверяющую о сем грамоту.

В 1726 г. снова делается попытка завязать связи с Россией. Из «киргиз-кайсацкой орды» приезжает Кабар Кобыков с прошением о размене пленных и о позволении кочевать около Яика.

Абулхайр, хан Малой орды, просил российское правительство построить город на реке Яике при устье реки Ори, обещаясь послать от каждого рода по одному человеку в город для разбора судебных дел «киргиз-кайсаков».

Тевкелев добился отправки аманата в Россию в лице ханского сына Нурали салтана. Ханы Каракалпацкой и Средней орды также послали в 1734 г. своих представителей для переговоров о переходе в русское подданство.

Российское правительство усиленно строило крепости: Тевкелев брод (Новосергиевка), Переволоцкую, Чернореченскую, Ельшанскую, Каролайскую, Иргюльскую, Бердскую, Губерлинскую. В 1739 г. по приказу кабинета министров

велено «город Оренбург строить по Красной горе, а прежний Оренбург назвать Орской крепостью».

Малая орда перешла в вассальную зависимость в 1730—1738 гг. Средняя — в 1740—1742 гг. Большая орда окончательно была приведена в вассальную зависимость в 80-х годах XVIII в.

Несомненный интерес представляет публикуемое донесение Тевкелева от 8 октября 1748 г. в государственную коллегию иностранных дел, которое вскрывает положение «киргиз-кайсаков» в XVIII в.

Грабительская политика Российской империи — тюрьмы народов, сказалась прежде всего в наложении большого ясака на перешедших в «вассальное подданство» в XVIII в. «киргиз-кайсацкие орды». Нам известно, что по договору 1730 г. Абулхаир хан обязан был ежегодно уплачивать ясак — 4 000 лисиц, зять его Батырь Махomet салтан — «1 000 лисиц да 1 000 корсаков», сын его хан Нурали салтан — 1 000 лисиц. Взимание аманатов, постройка крепостей на казахских землях (1738 г.), указ о выжигании в осеннее время Астраханских степей (1748 г.), наказание за виновного казаха его родичей и целого улуса (1749 г.), организация особого пограничного суда в Оренбурге (1787 г.) — все это вскрывает грабительскую сущность колониальной политики царизма.

Угнетение местными ханами казахов и колониальный гнет вызывали возмущение и сопротивление. Известны их участие в пугачевском восстании и волнения казахов под руководством Сырыма.

В. Лебедев.

Грамота императрицы Анны киргиз-кайсацкому хану Абулхаиру, февраль 1731 г.¹

(л. 1). По указу ея императорского величества в коллегии иностранных дел решено к киргизскому Абулхаир хану и ко всему войску с посланцы их, сюда присылаемыми, послать ея императорского величества грамоту и посылаемому к ним переводчику Тевкелеву дать инструкцию и с ним послать особую грамоту следующего содержания:

Божиею поспешествующею милостию мы всепресветлейшая державнейшая великая государыня Анна Иоанновна императрица и самодержица всероссийская (п. т.)... киргиз-кайсацкой орды Абулхаир хану, старшине и всему кайсацкому войску нашего императорского величества милость.

(л. 1 об.) Понеже мы великая государыня наше императорское величество из писания твоего Абулхаир хана чрез посланцов твоих Кутлумбетя Коштаева да Сейткула Куйдагулова усмотрели желание твое со всем твоим владением быть в подданстве нашем и с подданными российскими с башкирцами быть в миру, а те посланцы твои, Абулхаир хана, словесно здесь доносили, что желаешь ты, хан, с войском касакским быть в подданстве у нас на следующих пунктах:

1) Обещаетесь нашему императорскому величеству служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы; 2) чтоб от подданных российских обид и разорения вам никакова не было; 3) ежели на вас касакков будут нападать какие неприятели, чтоб вы могли от того нашим и-го в-ва защищением охранены быть и считать бы вас с подданными российскими; 4) чтоб ясырей, взятых от вас башкирцами и прочими российскими подданными, вам возратить, а вы обещаете взятых россиян отдать, и з башкирцами и с калмыки быть в миру, и мы, великая государыня, наше и-е в-во тебя, киргис касакского Абулхаир хана, старшину (л. 2) и все киргиз-касацкое войско пожаловали,

¹ ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г.

повелели по прошению вашему принять вас в подданство на вышеизображенных требуемых вами пунктах, и потому надлежит вам хану и всему войску, касацкому содержать себя всегда в постоянной верности нашему и-му в-ву и к нашим наследникам; и когда по указу и-го и-го в-ва будет вам наряд куда на службу нашу с другими подданными российскими, с башкирцы и с калмыки, тогда вам с ними вместе в определенные места ходить со всякою охотою; на башкирцов, и на яицких казаков, и на калмык, и на других русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить и жить с ними мирно и безсорно; такожде купцам российским подданным, ездячим из Астрахани и из других мест с караваном и особь к вам и чрез ваши жилища и кочевья в другие места, никакова препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их потребное вспоможение чинить.

Посланцы твои Эбулхаир хана допущены были пред нас, и в бытность их в Москве довольствованы кормом и на отпуске (л. 2 об.) пожалованы нашим жалованьем и отпущены к тебе, Эбулхаир хану, и подводами и в дорогу на корм такожде удовольствованы. В протчем на милость нашего им-го в-ва быть тебе, Эбулхаир хану, надежду¹.

Инструкция посланному к киргиз-кайсакам М. Тевкелеву, февраль 1731 г.²

Инструкция государственной коллегии иностранных дел переводчику ориентальных языков Мамею Тевкелеву, данная в нынешнем 1731-м году февраля в... день, по которой ему чинить надлежит. 1. Ехать ему в киргиз-касацкую орду, где обретатись будет главной их и первой хан Эбулхаир, того хана с посланцы Кутлумбет Коштаевым да Сеиткул Куйдагуловым, присланными от него сюда и отпущенными с ним, Тевкелевым, вместе; 2) и приехав, ему Тевкелеву к тому Эбулхаир хану быть у него и говорить: понеже ко всепресветлейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской к ея и-му в-ву нашей все милостивейшей государыне прислал ты Эбулхаир хан посланцов своих Котлумбетя Коштаева да Сеиткула Куйдагулова с листом своим и с словесным прошением о принятии тебя хана со всем твоим владением в подданства российское, и быть бы вам с подданными российскими в миру, и ея и-е в-во все милостивейшая государыня императрица вас киргиз-касацкого хана Эбулхаира, (л. 3) старшину и все киргиз-касацкое войско пожаловали, повелели по прошению вашему в подданство российское принять, о чем к тебе Эбулхаир хану и ко всему войску касацкому ея им-го в-ва грамота с посланцы твоими прислана, и копия на татарском языке приложена, и в подтверждение того и в знак своей императорской милости ея им-е в-во все милостивейше соизволила и меня с своею им-го в-ва грамотою к вам отправить и указала мне вас обоудежить, что ея в-во вас Эбулхаир хана и все киргиз-касацкое войско в неотменной своей

¹ Конец грамоты отсутствует. В том же деле в пересказе этой грамоты читаем: «и что он Тевкелев имянем и по указу нашему будет говорить и предлагать, и в том ему тебе Эбулхаир хану и всему войску касацкому верить и по тому исполнять, и ево возвратно к нам отпустить с таким ответом, как мы о твоих Эбулхаир хана и всего войска касацкого к нам великой государыне к нашему и-му в-ву верности по справедливости уповать имеем. А во знак вящей нашей и-го в-ва милости посылается к тебе Эбулхаир хану с ним Тевкелевым нашего им-го в-ва жалованья — кафтан, шапка, и сабля, и сукна, и протчее по приложенной при сем росписи. Дан в Москве лета 1731 февраля 19-го дня, государствования нашего 2 год.»

² ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г., лл. 1—6.

милости содержать будет и надеется взаимно, что и вы хан и все войско к ея им-му в-ву всегда в такой непоколебимой верности содержать себя будете, как то по вашему обещанию и верным подданным надлежит. И во знак же ея им-ой милости прислана ео-мною особливо другая ея им-го в-ва грамота к тебе хану да жалованья — сабля, шуба соболья, да шапка с лищицею черною и сукна, и прочее. И тое грамоту ему хану подать и жалованье объявить и отдать же. Также, ежели при том Эбулхаир хане будут (л. 3 об.) прочие ханы, и ему Тefкелеву тех ханов такожде обнадежить ея им-го в-ва милостию, и приличное жалованье дать, разведав о каждом из них, кто чего достоин; 3) посем ему Тefкелеву стараться, яко о наиглавнейшем деле, дабы в верности к ея им-му в-ву юной Эбулхаир хан со всеми другими ханы и с старшиною и с прочими всеми киргиз-касаки присягу по своей вере на алкаране учинили, и тое руками своими подписали и ему Тefкелеву отдали; 4) и когда они сие учинят, тогда ему Тefкелеву, будучи тамо между ими, усматривать и разведать, желательно ль они в то подданства вошли, и буде желательно все к тому приступили, тогда ему Тefкелеву чинить и следующее. Понеже в листу того Эбулхаир хана написано только о сем, что он хан со всем своим владением желает быть у ея им-го в-ва в подданстве, а присланные ево словесно доносили, что хотят служить и ясак платить так, как служат и платят оной ясак башкирцы, когда же те посланцы спрашиваны, что для уверения о их верности дадут ли ханы из своих детей или из свойственников в аманаты, и они ответствовали, что надеются дать в оманаты из знатных людей на Уфу, ежели им определены будут (л. 4) кормовые деньги. Сего ради ему Тefкелеву после подачи грамоты Эбулхаир хану и обнадеживания ево милостию ея им-го в-ва, и по учинении присяги быть у него хана на иной день и говорить, что, понеже он Эбулхаир хан со всем войском касацким учинились ныне в подданстве у ея им-го в-ва всероссийской, как и башкирцы, и во знак верности своей учинили присягу по закону своему на алкаране, то надлежит им и пункты, каковы в грамоте ея им-го в-ва, к нему присланной, описаны, руками своими подписать, как все подданные ея им-го в-ва то чинят, и как башкирцы, показуя свое верное подданство, платят ясак и аманатов дают на Уфу, так бы и они, показуя верность свою, ясак платили и аманатов на Уфу дали. И к сему приводить ево Эбулхаир хана добрым способом, представляя им пристойные резоны; 5) а ежели по тому ево Тefкелева представлению и домогательству он Эбулхаир хан к платежу ясака и в даче на Уфу аманатов будет не склонен, и то опустить и усильно о том не домогатца, только стараться, чтоб он Эбулхаир (л. 4 об.) хан с прочими начальными пункты подписали и жили в верности; 6) и ежели он Эбулхаир хан взаимно будет у него Тefкелева требовать таких же пунктов за ево Тefкелевою рукою, и ему сказать, что хотя таких пунктов ему Тefкелеву давать было не для чего, ибо те все пункты описаны в грамоте ея им-го в-ва, к нему хану присланной, однако ж он Тefкелев по желанию ево хана учинит, и такие пункты ему Тefкелеву за своею рукою [готов] дать и теми с ними розменяться; 7) буде же он Эбулхаир хан по представлению и домогательству ево Тefкелева и пунктов дать не похочет, и ево к тому приводить и склонять, дабы он хан в ответной свой лист к ея им-му в-ву (которой ему хану с ним Тefкелевым прислать надлежит) те пункты внес и обещал бы оные содержать и подписал бы тот свой лист он хан и, ежели возможно, и другие начальные, а ежели и того он не похочет, то хотя б он так в листе своем написал, что все то, что в грамоте ея

им-о в-ва, к нему присланной, написано, содержит. Также предлагать (л. 5) ему хану, чтоб он прислал в Москву посланцов своих и оным велел здесь жить для предложения о ево ханских и войсковых делах и обнадежить ево хана, что те посланцы ево здесь содержаны будут во всяком довольстве, и корм и квартиры будут им даваны; 8) ему ж Тефкелеву говорить ему Эбулхаир хану и домогатца о освобождении российских пленных, сколько их тамо есть, дабы при бытности ево Тефкелева все были собраны и ему отданы, представляя ему хану, что чрез сие освобождение пленных покажется к ея им-му в-ву ево Эбулхаир хана истинная подданическая верность и служба, за что он наибольше от ея им-го в-ва имеет быть пожалован; 9) как туда едучи, так и назад возвращаясь, иметь ему Тефкелеву журнал или повседневную записку, а наипаче пути, которым он имеет ехать от Уфы и 1) описать о башкирцах, какие они имеют жилища или кочевья, города, села или деревни, и какое их правление и состояние и промыслы и пожитки, 2) между теми (л. 5 об.) башкирцы далеко ль разстояние, какие где жилища есть и какие званием и величию реки и иные воды, и чрез оные где и какие переплавы, леса и степи, и далеко ль одно от друга разстоянием, и не имеетца ль каких засек или перекопей или других каких ко обороне их крепостей, 3) о тех самых киргисцах усматривать и разведать, а особливо о начальном их киргис-касацком Эбулхаир хане какова состояния он есть, сколько владения ево городов и мест, дворов, кибиток или числом людей, и, кроме ево хана, кто имяны другие ханы, и имеют ли они особые свои города или места или кочевья, и сколько которой имеет, и каким званием, и при городах и при жилищах имеется ль пашня, сады и иные какие промыслы, и ханы и владельцы кочевные и городовые послушны ль главному Эбулхаир хану, и наследные ль или обиранные, и ясак или иные какие сборы с подчиненных их они собирают ли, и посолько в год тех сборов главному Эбулхаир хану и прочим бывает, и все ль один магометанский закон держат или суть из них других каких законов люди, и посланцов сюды Эбулхаир хан с согласия ль других ханов и всего народа присылал, и народу приятно ль сие, (л. 6) что они приняты в подданство ея им-го в-ва, купечество они какое и с какими соседними народы имеют ли, и с того какие на хана доходы бывают ли, и ремесла какие, а особливо оружейные, и заводы селитренные и пороховые имеют ли, и умеют ли они сами пушки лить, и иное ружье делать, а буде они сами пушек и ружья и пороху не делают, то откуда получают и за деньги ль купят или на какие товары меняют, жилища и кочевья их касацкие с кем граничат и с кем они ныне в миру и с кем в войне, и кроме того пути, которым он будет ехать, другие от которых российских городов имеется ль дороги, и способны ль те дороги к проезду; 10) сие ж все ему Тефкелеву разсматривать и разведывать и записывать искусным способом, не давая никому знать, что чинит по указу или по инструкции, но яко бы сам собою, хотя ведать для себя, дабы о сем, что он делает по указу, не токмо тамошние народы, но и ис тех, кои с ним Тефкелевым посланы будут, не признали; 11) ежели аманатов Эбулхаир хан с ним Тефкелевым (л. 6 об.) отправит, тех оставить на Уфе и приказывать их содержать, как в пунктах написано или чего еще сверх того будет хан требовать; освобожденных из плена также отдать на Уфе воеводе, а ему оных роспустить в дома их, где кто жил, а сюда привести им имянную роспись со обстоятельными ведомствами, а особливо о российских, кто какова чина и которого города, и давно ль, и кем взят был в полон; 12) учиня то все вышесказанное и возвратясь

в Москву, подать в коллегии иностранных дел всему тому обстоятельную записку и о росходе посланной с ним казне ведомость за рукою своею. А грамоты отпустить без подписи, только за среднюю печатью под кустодию.

Канцлер граф Головкин. Андрей Остерман.

Проезжая по городам, данная Тевкелеву из коллегии иностранных дел, 19 февраля 1731 г.¹

(л. 30) По указу ея им-го в-ва самодержицы всероссийской и пр. и пр. и пр.

По ея им-го в-ва указу послан с ея им-го в-ва грамотою "киргис-касацкой орды к Эбулхаир хану государственной коллегии иностранных дел переводчик Маметь Тевкелев и с ним послано ея им-го в-ва жалованья ему Эбулхаир хану и другим ханам и старшинам, мяхкая рухлядь и товары в 3-х паках за коллежскою печатью. И от Москвы по надлежащему тракту до Казани и до Уфы господам генералом-губернатором, губернатором, воеводам и прочим воинским и гражданским управителям и на заставах учрежденным того переводчика Тевкелева с людьми, посланными с ним, и киргиских посланцов, и башкирцов, и в конвое посланных, и при них обретающихся ундер-офицера, солдат и толмачей, (л. 30 об.) и пожалованье им посланцом и покупные здесь вещи, которые по приложенной при данной им особой проезжей и росписи здесь ис камор-коллегии осматриваны и запечатаны таможенною печатью, пропускать и подводы по подорожным ямской канцелярии давать везде без задержания. И ежели в котором городе пожелают для чего остановиться, и им давать на время квартиру и в прочем чинить вспоможение, и наипаче, ежели где имеется в пути в проезде опасность, в таком случае давать им к определенному конвою в прибавок солдат или городовых служилых людей, сколько где потребно, с ружьем какие где есть. И прочитая сей указ и в городах списывая с него копии, отдавать переводчику Тевкелеву, а об отправлении ево Тевкелева с Уфы в киргис-касацкую орду бригадиру и воеводе господину Бутурлину учинить по особливо посланному к нему ея им-го в-ва указу.

Канцлер граф Головкин.

Секретарь Иван Аврамов.

Перевод с письма киргиз-касацкого Абулхаир хана, полученного в городе Уфе через посланца ево Абулхаир хана Сиюн-дюк багатура к переводчику Маметю Тевкелеву².

(л. 127) Высочайшей и славнейшей государыню возше-
ствием на золотой престол поздравляю. Ежели ея в-во высокую дес-
ницу на нас положит, а мы главы свои приклонять будем, и какую
службу на нас положить соизволит, от всего нашего сердца и со всею
душою служить будем. И с помощью божию махOMETанского закона
знатной бухарской хан Аблфеиз хан отдался в мою волю, брат мой
хивинской хан Албас хан отдался в мою ж волю, качующие по реке
Хадже Ченнет Дарьяс Ак батур бей в мою ж волю отдался, Барак
хан, владение ево 4000, город Ташкент, Торкостан в наших руках
(л. 127 об.) понеже несколько пленников имеетца в их руках, а не-
сколько пленников имеетца в наших руках, и оным пленником так

¹ ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г., лл. 30—31.

² Заголовок подлинника. ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г. л. 127. — Об этом письме см. ниже, стр. 16.

трудитца ко имени нехорошо¹ воля ее государыни, чтоб их купцы к нам приезжали, а наши бы к ним ездили, а плачущих увеселять пристойно к славе ея государыни, а бухарцы в моей воле, а с Урганчем обсылатца в моей же воле. Тако сие письмо и написал, а в прочем словесно объявит вам Сипон-дук багатур.

**Донесение М. Тевкелева в коллегию иностранных дел,
26 августа 1731 г.²**

(л. 116) В нынешнем 1731 году апреля 30 числа из государственной коллегии иностранных дел отправлен я нижайший с ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы грамотою в киргиз-кайсацкую орду к Абулхаир хану. И прибыл я нижайший в город Уфу и при мне киргиз-касацкия посланцы минувшего июля в 4 день благополучно. Того же числа ея им-го в-ва из государственной коллегии иностранных дел указ брегадиру и уфимскому воеводе господину Бутурлину об отправлении моем в киргиз-касацкую орду подал. И по оному указу господин брегадир Бутурлин из уфимской правинциальной канцелярии августа 14 числа прислал ко мне для караулу в киргиз-касацкую орду солдат 10 человек, а для конвою 10 человек дворян, 10 человек казаков, 30 человек башкирцов да в подводы 10 лошадей, 10 верблюдов; а оные лошади и подводы взяты с мешереков, и з тептерей, и з бобылей, то есть мешереки татара сходцы из давных лет из верховых городов, податей в город Уфу никаких не платят, токмо де из давных лет по ряду служили службу, а тептери те ж татара сходцы же из Казанской, из Воронежской губерен, живут из найму на башкирцких землях, в город Уфу платят ясак по малому числу, бобыли — беглые татара, чуваша, черемиса — живут на башкирцких же землях из найму, податей никаких не платят, а некоторые де из них кунишной и медовой ясак платят.

Июля в 7 день пришел ко мне нижайшему башкирец Алдар бай и при нем (л. 116 об.) киргиз-касацкого Абулхаир хана один знатной человек, а имя ему Махаметь Ходжа, у которого де в киргиз-касацкой орде дяди в духовенстве первой человек, которого все ханы и киргиз-касацкие старшина в великом почтении содержат. И оной ходжа обевил мне нижайшему, что киргиз-касацкой орды Абулхаир хан обретаецца при реке Торгай и при реке Ирғизь, которые реки ростоянием от Уфы недель 5 или 6; и желает де Абулхаир хан со всею своею охотою быть в подданстве ея им-го в-ва. И другие де ханы кочуют при нем. Июля 8 был у меня он же башкирец Алдар бай, между прочих слов говорил я ему Алдару, не будет ли опасность в пути от набегов киргиз-касаков и прочих тамошних народов нам обиды, ежели не будет знать о призде моем Абулхаир хан. И оной башкирец Алдар бай сказал: конечно надобно послать наскора, ежели де в пути что зделаетца, чтоб он Абулхаир хан неведением не отговаривался. Того ради июля 9 числа отправил Алдар бай своего сына да одного из киргиз-касацких посланцов, называемого Росбая, а я нижайший от своей стороны отправил одного доброжелательного башкирца Кидиряса Моллакаева, который был в Москве с киргиз-касацкими посланцы. И приказал я нижайший оному башкирцу Кидирясу доведоватца искусным образом о намерении Абулхаир хана и прочих ханов и киргиз-касацких старшин, сущи ли они в том намерении содержатьца, о чем послали своего посланца Кутлумбетя Коштаева, или иную какую намерению имеют, понеже оной

¹ Так в подлиннике.

² ГАФКЭ, Мид., «Сношения России с киргиз-кайсаками, 1731 г., лл. 116—119 об.

башкирец (л. 117) Кидирясь Моллакаев zelo к российской стороне доброжелателен и человек неглупой. Июля в 14 день Абулхаир хана посланец Кутлумбет Коштаев об'евил мне нижайшему, что после де ево от'езду из киргиз-касацкой орды в Москву многократно набегами ездили башкирцы в киргиз-касацкую орду, брали в плен людей и отгоняли лошадей и верблюдов немалое число, а от них де киргиз-кайсаков напротив того башкирцам такими же набегами никакого разорения не учинено, чтоб ему посланцу Коштаеву оных взятых башкирцами в плен ясырей, лошадей, верблюдов возвратно отдать ныне, на что я нижайший ему посланцу Коштаеву ответствовал следующее: что взятых башкирцами у киргиз-касаков ясырей, лошадей, верблюдов ныне ему посланцу Коштаеву отдать невозможно за многи притчины, Первое, что ближе 3 или 4 месяцев ясырей, лошадей, верблюдов за дальностью их четырех дорог от башкирцов, отобрать отнюдь невозможно, и за тем жить в городе Уфе ему Тефкелеву и посланцу Коштаеву будет немалое продолжение; второе, может быть, и киргиз-касаки у них башкирцов тако ж де брали в плен ясырей и отгоняли лошадей, и оные от обеих сторон обиды розысковать прежде времени невозможно. А как он Абулхаир хан и протчие ханы и киргиз-касаки страшина ея им-го в-ва в подданстве быть присягою своею (л. 117 об.) утвердятца и росиских пленников возвратят, и их взятые башкирами ясыри и лошади возвращены будут. А что ныне в киргиз-касацкую орду башкирцам войною и набегами не ходить и взятых ясырей на сторону не продавать, и им киргиз-касакам на окоп не отдавать до указа, ко всем башкирцам ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы указ пошлетца. И оной посланец Коштаев тем учинился доволен.

Сего августа в 22 день оной мой посланной в киргиз-касацкую орду доброжелательной башкирец Кидирясь Моллакаев и с ним посланцы от Абулхаир хана и от Батур солтана 4 человека прибыли, а главному посланцу имя Сиюн-дук. И оной Кидирясь мне словесно об'евил, что он у Абулхаир хана был и о прибытие моем и посланцов ево в город Уфу об'евил. И Абулхаир хан безмерно де радовался, и он Абулхаир хан ему Кидирясу сказал, что слышал де он, будто ево посланцы были в России одержаны и ея им-е в-во всемилостивейшая государыня императрица ево Абулхаир хана в подданство принять не указала, к тому же де башкирцы (л. 118) многократными набегами ясырей в плен брали, лошадей отгоняли, и он де Абулхаир хан думал тако, что башкирцы на них набегают, не сабою знатно, по указу ея им-го в-ва, и были де в великом опасении, того ради откочевали было дале. И он башкирец Кидирясь ему Абулхаир хану об'евил, что де сказывали, якобы ево посланцы в России одержаны и ея им-ое в-во в подданство всероссийское принять ево Абулхаир хана не указала, то де неправда, понеже он башкирец Кидиряс сам был с ево посланцами в Москве и посланцы его приняты в Москве милостию и жалованием ея им-го в-ва награждены довольно, и в росиских городех одержаны никогда не бывали, а что в Казани они жили, ожидали Тефкелева и тамо были во всяком довольстве, о чем он Абулхаир хан известен быть может чрез своего посланца Росбая, которой приехал к нему Абулхаир хану с ним башкирцом Кидирясом. (л. 118 об.) И как де уведомился он Абулхаир хан, что ея им-ое в-во всемилостивейшая государыня императрица милостиво соизволила указать ево Абулхаир хана в подданство всероссийское принять, и для того де отправлен к нему Абулхаир хану переводчик Тефкелев, и возвратился де он Абулхаир хан со всеми своими улусы паки назат к реке Иргизу, и наредил де сына своего Нурали салтана да зятя своего Батур салтана навстречу ко мне

нижайшему с тысячею человеки, и будут де сын ево и зять встречать на границе, тово ради, чтоб мне не было от киргиз-касаков или от других народов какия в пути нападения. И с оным посланцем Сиюн-дюком прислал Абулхаир хан ко мне письмо за ево печатью, которого письма с переводом, при сем посылаю. При том же оной посланец ево Абулхаир хана подал мне нижайшему неписаной лист за двума ево Абулхаир хана печатью и объявил словесно, присланной де оной неписаной лист в такой силе, якобы он Абулхаир хан, показуя свою верность, не токмо, что он желает быть в подданстве всероссийском, но трудитца и других народов привести в подданство ея им-го в-ва, чтоб я на том неписаном листе к ея им-му в-ву написал своею рукою именем ево Абулхаир хана, объявляя верность ево, и что де он Тефкелев (л. 119) напишет, Абулхаир хан спорить не будет. Також де оной посланец Сиюн-дюк объявил мне нижайшему словесно же, что в Хиве ныне ханом брат двоюродной ево Абулхаир хана и желает де быть в подданстве ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской, також де и другие владельцы, которые написаны в присланном письме ко мне нижайшему от него Абулхаир хана в подданстве быть всероссийском желают же де. Ежели ж письмо Абулхаир хана и словесной ево ко мне приказ будет правда и подлинно пожалуют бухарской хан и хивинской хан и прочие владельцы ея им-го в-ва быть в подданстве, а сами к нему Абулхаир хану не будут и пришлют своих посланцов для договору и для присяги просить меня в Бухар и в Хиву, мне нижайшему туды ехать ли или требовать у них, чтоб они прислали своих полномочных посланцов за руками их и за печатями грамоту, учинить с ними договор и присягою утвердить у Абулхаир хана. А по моему слабому мнению, пока я нижайший у Абулхаир хана буду и достоверно уведомлюсь, что бухарской хан и хивинской хан подлинно желают быть в подданстве ея им-го в-ва, или то неправда, до того времени бухарского посланника из Москвы отпустить не надлежит, а ежели ж хотя из Москвы он и отправлен, то можно ево и в Астрахани удержать, чтоб он, приехав туду, не учинил какое помешательство, а как я нижайший прибуду ко бухар хану и уведав подлинно, в государственную коллегію иностранных дел с нарочным немедленно писать буду. Однако ж других владельцев усмотря ко интересу ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни пользу в подданство принимать и присягою утверждать буду. Бухар и Хива от Абулхаир ха[на] ростоянием недели 2 или 3.

Того ради высокоучрежденную коллегію иностранных дел всепокорнейше прошу о вышепоказанных о немедленной резолюции, и для того оставил я нижайший у уфинского воеводы (л. 119 об.) полковника гоесподина Кошелева 2-х доброжелательных башкирцов. Ежели соизволит государственная коллегія иностранных дел ко мне нижайшему повелительные указы отправить, и оные башкирцы до меня привезут в целости. А отправился я нижайший из Уфы в киргиз касацкую орду сего августа в 26 день.

Мамет Тефкелев.

**Донесение М. Тефкелева в коллегію иностранных дел,
5 января 1732 г.¹**

(л. 10.) Минувшего октября 2 дня прошлого 1731 году от Абулхаир хана навстречу ко мне прислан был сын ево Нуралы салтан с знатными людьми к реке Иртынь и того ж октября 6 дня в урочище Манигубе я нижайший к Абулхаир хану по полудни во втором часу прибыл, а

¹ ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732 г., лл. 10—35.

встреча мне была от кибитки Абулхаир хана в 2 верстах. Того ж числа в полночь Абулхаир хан прислал ко мне тайно, чтобы я к ним шел или он ко мне тайно придет, а киргиз-казацкие старшина знатные приставили тайно караул, чтобы Абулхаир хан со мною не видался, как около ево, так и около моей кибитки везде люди караулили и меня не допускали к хану и хана ко мне, только между нами ходил тайно башкирец Кидирясь Моллакаев, которой ныне отправлен от меня на почте. Однако хан всеми мерами трудился, чтоб со мною до утра видетсья, и хану никоим образом ко мне в кибитку притти было невозможно, и приказал (л. 11.) ко мне чрез одного ж башкирца Кидиряся, чтобы я надел платье самое худое, якобы простой человек и шол к нему, а ежели де он со мною ныне ночью не увидитца и в словах де с ним не согласимся, то де нам обем с ним будет немалая трудность. И я, надеясь на господа бога и счастье ея императорского величества, отважился к нему хану итти, надел на себя киргиз-казацкое худое платье, з башкирцом Кидирясом пришел в поле и говорил с ним довольно и между прочими разговоры объявил мне он Абулхаир хан, что он пожелал (л. 11 об.) быть в подданстве ея императорского величества всемилоостивейшей государыни императрицы всероссийской один без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин и напротив ево Абулхаир хана слов я спросил, чего ради он один без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин то учинил, и ему то противно не будет ли и что тому причина. На то он Абулхаир хан ответствовал тако: Объявляю де тебе яко богу сущую свою правду, чего ради один он без согласия других пожелал быть в подданстве всероссийском. (л. 12.) Первое причина: из древних лет предки ево и он Абулхаир хан владели городами Ташкент, Туркустант, Саирам с принадлежащими деревнями и киргиз-казаками; и учинилась у него Абулхаир хана война с хонтайшою многия годы и не мог с ним управиться, принужден был он, вышепоказанные города оставя, выехать к кацевным народам киргиз-казакам и потом многия годы имели с ним хонтайшою войну и, недовольствуясь тем, стали воевать с вольскими калмыками и Оральскими башкирцами и з бухарами и с Хивою и с четырех сторон стали ему Абулхаир хану все неприятели (л. 12 об.), того ради он и городов своих от хонтайши выручить не мог; однако де ныне з Бухарию помирились, а в Хиве учинился ханом брат его двоюродной Элбас хан; токмо остались неприятели ево вольские калмыки и башкирцы, а с калмыками, как скоро мирятся, так скоро и война живет, мир их бывает несостоятелен, а башкирцы де без указу ея императорского величества с ними миритца не хотят, того ради он Абулхаир хан к ея императорскому величеству послал посланцов своих просить протекцию, чтоб ему с вольскими калмыками и башкирцами быть в миру, а от хонтайши (л. 13.) отыскивать свою реванжу было ему свободно. Третие — можно де видеть, как Аюка хан, так и башкирцы, ежели не могут управитца с неприятelmi, то охранены бывают протекциею ея императорского величества; тако ж де б и он Абулхаир хан был охранен протекциею ея императорского величества; ежели де калмыки и башкирцы будут в миру и в нокое, то он надеется отыскать свою реванжу от хонтайши.

И говорил мне Абулхаир хан, чтобы я не вдруг их принуждал к присяге, сперва де надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умягчились, (л. 13 об.), а ежели знатные старшина нашу партию будут держать, и киргиз-казацкие народы от старшин отстать не могут. И многократно тем меня низайшего утверждал, что [б] я ничего не жалел и их старшин дарил, понеже де киргиз-казацкие народы — люди дикие, вдруг их в путь наставить не возможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей.

И как я от него Абулхаир хана такие слова услышал, что он учинил сие один, кроме других, стал я ему Абулхаир хану говорить, чего ради посланцы его несправедливо словесно предложили (л. 14) в Москве: Абулхаир хан де желает быть в подданстве ея императорского величества всероссийского с согласия всех ханов и всего войска касакского, а ныне стало то ложь, токмо один ты собою зделал. На то Абулхаир хан сказал посланцом своим словесно приказал объявить он, якобы, с согласия всех ханов и старшин войска касакского для того, ежели б ево посланцы объявили в Москве токмо об одном Абулхаир хане, а о других бы не объявили, то б де, может быть, ея императорское величество тебя отправить не соизволила, а ныне слава богу, как ты приехал сюда, то (л. 14 об.) всеми мерами буду стараться ея императорскому величеству показать услугу и верность, чтоб привести их в подданство всероссийское, понеже он Абулхаир хан их обычей знает. И я низайший у него хана спросил, ежели они на то склонны не будут и в подданстве всероссийском быть не похотят и привести их к тому будет невозможно, не будет ли от народов твоих мне какой опасности. И он хан мне на то сказал, ежели де знатных старшин подарками удоволствуем, то де никакой опасности не будет и в подданство привести их будет (л. 15) не трудно.

Потому я низайший у него хана спросил, когда он у меня примет ея императорского величества все милостивейшей государыни императрицы всероссийской грамоту, и он хан сказал, о том де пришлет известие, как он хан переговоры з знатыми старшинами, и пошел я от него к себе в кибитку, а поутру хан прислал ко мне тайно собственного своего человека, чтоб я прислал к нему, как можно поскорая, сукон, бобров, выдр и прочее, что есть у меня, для подарения старшинам. И я на то ему сказал: прежде присяги ему хану жалованья ея императорского величества (л. 15 об.) милостивые знаки отдать не могу, и вторично он хан ко мне прислал, чтоб я поскорая прислал к нему товаров как ни есть уловить старшин, а ежели де не пришлешь то ему и мне будет немалая опасность; того ради принужден был я обещать ея императорского величества жалованья з грамотою к нему хану вместе принести, а знаки милости ея императорского величества все милостивейшей государыни императрицы шубу, шапку и саблю не отдал, пока он хан к присяге не придет и пункты не подпишет, а как посланной ханской от меня отошел, тот же час киргис-касацкие старшины ко мне прислали, чтобы я шол с ея императорского величества грамотою и жалованьем. (л. 16) Я к нему пришел, где были все знатные старшина и речь выговорил, и ея императорского величества грамоту хан, с места встав, принял, на голову поднял и подле себя положил и подарки: сукна, бобры, выдры, юфть, лисицы, чай принять приказал; и посадил меня хан подле себя по левую руку и потом спустя с четверть часа велел мне выттить из ханской кибитки и, как я пошел в свою кибитку того же часу стали дуван дуванить ея императорского величества жалованье, что прислано было к Абулхаир хану, с великим криком и дракою и из кибитки ханской все, что есть, вынесли на поле и стали делить с великою дракою, плетми и саблями между собою бились. А потом стали думать, чтоб меня убить, и услышел оное один башкирец, прибежал ко мне и сказал, здумали де киргис (л. 16 об.)-касацкая орда тебя убить и ограбить.

И я, как такое их злонамерение услышел, призвал к себе своих знатных башкирцов Алдар бая Искеева, Таймана Шамова, Касямина Батыря, Беку Качина, Образая Ободенова, Кидиряса Моллакаева и спросил их, каким образом их киргис-касацкое злое намерение отвратить; и оные башкирцы мне сказали, никакого способу к спасению не знают, кроме одного что имеетца у них знатные старшины Букембат Батырь

да зять ево Эсет Батырь, да брат ево двоюродной Худай Назар Мурза, которые де изо всех их лутчие и сильные и умные люди и доброва состояния, надобно де их подарить довольным числом. Надеемся де от них нам польза (л. 17) будет, а ежели де они к нам не склонятца, то де ни от кого нам надежды нет кроме бога, однако ж я послал объявить о том хану, что народ их имеет такое злое намерение меня убить, чтоб он хан мог меня от такого злого киргис-касацкого намерения освободить; он хан посланному от меня сказал, чтоб мог сыскать Букембат Батыря, кроме де ево спасения нет, понеже и он стал им подозрителен. Потом спросил я оных башкирцов, чтоб ево Букембат Батыря как можно искусным образом ко мне привести, и из башкирцов один тамо Шамов имел с ним издавна дружбу и поехал сыскал его з зятем и з братом на степи и, уговоря их, ко мне привел в вечеру. И стал им говорить Букембату Батырю с зятем (л. 17 об.) и з братом тако: уведомился я, что ваша киргис-касацкая орда имеет злое намерение меня убить, чего ради они так хотят зделать, понеже, я сюда прислан по указу ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской по прошению Албухаир хана, також де и вашей, а не так, чтоб я прислал неволю в подданство привести, а ежели вы меня хотя и умертвите и тем россииской империи нималого ущерба учинить не можете, токмо такова славного монарха приведете в злобу, не токмо с российской империею иметь войну, но не можете сыскать (л. 18) места от оных от российских подданных, от калмык и от башкирцов, а ежели же надо мною что учините, то всемилостивейшая государыня императрица всероссийская кровь мою вам так оставить не соизволит и тем можете вы за неповинную кровь мою со всею своею ордою разоритца. И ежели вы не хотите быть в подданстве ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы, и вы меня отпустите добрым порядком паки назад в Росию. И он Букембат на то мне сказал: в Хиве Бековича убили, что де не могли реванжа отыскать, и так де пропало. И я ему сказал, правда хивинцы з Бековичем поступили по-варварски, ибо под солнцем нигде такова обычая нет, чтобы послов умерщвлять¹. А они (л. 18 об.) то учинили над Бековичем не человечески, но по скотцки, а что от хивинцов реванж неотыскан за многими притчинами, понеже когда Бековича убили, в то время продолжилася война многие годы в России со шведом, и многия иныя подобныя притчины я им предъявлял, а потом в 1726 году прислал хивинской хан посланца своего с повинною грамотою и оной посланец от нас с награждением паки возвращен в Хиву, а ежели вы Букембат Батырь трудами своими покажете к ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице верную услугу и своих киргис-касаков от злаго намерения уговорите и их успокоите (л. 19) и в подданство всероссийское приведете и ханскую партию держать будете, и за такую вашу верную услугу обещаю, что вы милостию ея имп. величества награждены будете довольно и причтены между добрых и верных слуг будете и впредь до смерти вашей оставлены не будете, понеже лутче жить в покое, нежели в разорении и лутче за доброе дело получить награждение, нежели по злодейству получить злое нападение.

И они Букембат Батырь з зятем и з братом к моим словам склонились и обещали их казаков привести в подданство всероссийское и ясак платить будут и аманатов дадут, и я им обещал дать на 500 руб. товаров, с тем от меня и поехали. Того же (л. 19 об.) октября 10 числа призван я был к ним в собрание, где был и Абылхаир хан, и спросила

¹ Об убийстве в Хиве в 1717 г. кн. А. Бековича Черкесского см. С. Соловьев, История России, т. XVIII, стр. 11—15.

меня киргис-касацкая старшина, зачем я к нему приехал. И я ему отвечивал: отправлен я по указу ея имп. величества в. государыни им. всероссийской с всемилостивейшею грамотою к Абулхаир хану и к вам киргис-касацким старшинам и ко всему войску киргис-касацкому против письменного пришения Абулхаир хана и ко словесному предложению посланцов ваших, и можете известны быть во ответной грамоте, которая прислана чрез посланцов ваших Котлумбетя Коштаева да Сейткула Кайдагулова. И потом касацкая старшина стала (л. 20) со мною говорить с великим сердцем: тако мы де Абулхаир хану просить подданства всероссийского грамот писать и посланцом словесно объявить, якобы ясак платить и аманатов дать, — того мы не велели, токмо мы киргис-касацкая старшина присоветовали послать посланцов, чтоб быть с Росиею в миру, а не в подданстве, а и ныне в подданстве быть не хотим, и надобно де тебя за то убить до смерти. И как я нижайший от киргис-касацкой старшины такие противные слова услышал, и стал им з сердцем же говорить тако: понеже российская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами яко с темными зверьми быть в миру неприлично, ибо российская империя от вас никакого опасения не имеет (л. 20 об.) и в вас нужды нimalой нет, а вам от подданных российских великая опасность, первое от калмык, второе от башкирцов, третье от яицких казаков, четвертое от сибирских городов, и всегда вы от них побеждены и разорены бываєте и, ежели вы не пожелаете быть в подданстве всероссийской империи, и я с вами мирнова договору чинить не буду и такова беславия российской империи не принесу. Или вы гнушаетесь, чтоб быть вам в подданстве всероссийской империи, не токмо, вы яко степные звери, но многие самовластные цари и ханы в подданстве всероссийском имеютца: первое — царь грузинский, Аюка хан калмыцкой, Аликула хан Усми хан Кагацкой, — и многие к тому (л. 21) приличные я им слова говорил. И как они касацкая старшина от меня слова выслушали и, выступя из них Букембат Батырь стал говорить Абулхаир хану: по желанию твоему быть в подданстве всероссийском желаем и в том себя присягою утвердим. И Абулхаир хану и Букембат Батырь и протчие знатная старшина того числа учинили присягу, а большая часть не присягали, стали быть противны; потом меня отослали в свой обоз, и противные партии стали умножаться с того числа и объявляти мне на каждой день смерть, и Абулхаир хан чрез два или три дни и Букембат Батырь ко мне прихаживали и со мною советывались, как с киргис-касацкими (л. 21 об.) старшинами поступать и увещевали меня, чтоб я знатных старшин 30 человек подарками удовольствовал, которых я нижайший сукнами, бобрами и протчими товарами удовольствовал и оные 30 человек стали держать Абулхаир хана партию и Букембат Батыря.

Того ж октября 20 числа в полночь прислали ко мне Абулхаир хан, чтоб я прислал к нему сукна 60 аршин всякого цвету да карамазинного 50 аршин, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей, красных кож 5, косяков камки 5, чернобурых лисиц 3, тюня китайки для роздачи знатым киргис-касацким старшинам и приказал ко мне чрез своего человека, ежели я к нему вышепоказанных товаров не пришлю, то де завтра (л. 22) нас с ним предадут смерти, и паки вторично прислал с тем, ежели к нему вышеобъявленного числа товаров не пришлю, то де он хан велит отнять насильно, за то де на него хана всемилостивейшая государыня и-ца гневатца не будет, понеже де он хан трудитца, яко диких людей привести в подданство всероссийское; и вышепоказанных товаров отослал я з башкирцом Тамосом Шамовым, и оные товары хан киргис-касацким старшинам роздал все без остатку, и оные старшина, которые от хана и от меня подарками довольствованы, те учинили

присягу, чтоб быть в подданстве всероссийском и, ежели хто на то будет противен (л. 22 об.), и противу тех, чтоб не жалеть своего живота. А после того явилася другая противная партия и два раза на меня и на хана приступали, чтоб меня убить до смерти. Однако с помощью божиею в обозе ничего они мне учинить не могли, и напали на меня при море Аральском, когда стали кочевать, чтоб меня убить до смерти или поимать живьем да замучить, и при кочевье ничего учинить не могли, токмо, поймав, увезли от меня одного знатного башкирца Тамоса Шамова и мучили ево тирански. Потом послал Букембат Батырь брата своего Худа Назар Мурзу к тем противным касакам, чтоб их от злого намерения уговорить и башкирца Тамоса от них свободить. И он Худа Назар оных противных касакот от злого намерения уговорил, и башкирца Тамоса от них свободил, и знатных старшин привел к хану, которых я подарками удовлетворял, и оные старшина в подданстве всероссийском быть присягали и к пунктом свои знаки приложили. И как Абулхаир хан и Букембат Батырь. Малую орду успокоили, и отправили в Среднюю орду Худа Назару Мурзу к Шемяхи хану с тем, что Малая Орда в подданстве всероссийском быть все присягали и ясак платить обещали, а имянно Абулхаир хан своего владения четыре тысячи лисиц, зять его Батырь Махометь салтан своего владения 1 000 лисиц, (л. 23) да 1 000 корсаков, да сын Абулхаир хана Нурали салтан своего владения 1 000 лисиц, чтоб и он Шемяхи хан, уговоря своих старшин, принял подданство всероссийское, и он Шемяхи хан на разуждение Худа Назара Мурзы склонился быть в подданстве всероссийском, в том и присягал и ясак платить с своего владения обещал, а именно 2 000 лисиц, да 1 000 корсаков, на что дал письменное обязательство, а других ханов, салтанов и старшин в Средней орде к тому склонять, чтоб привести в подданство он Шемяхи хан обещал, понеже киргис-касацкая орда из древних лет разделена на три части, а имянно Большая, Средняя и Малая Орда (л. 24) Улуюз, Ортаюз, Кичеюз. Большая орда кочуют за бухарами в дальном разстоянии, и с Среднею, Малую орду не с'езжаютца, у них же хан особенливой. Средняя орда кочует около Тобольска, а ханами у них Шемяхи хан, да Кочек хан, двое салтанов Борак салтан, да Оболмаметь салтан, а в Малой орде один Обулхаир хан, да двое салтанов зять ево Батырь Махометь салтан, да сын ево Нурали салтан. Городов у них никаких нет и вся орда киргис-касацкая кочевная, а довольствуютца скотом, но и больше ловят лисиц и корсаков довольно, а хлеба не папсут. А в Среднюю орду за дальностию ныне зимою я не поехал, а поеду к нему весною и что другие ханы ясак платить обещать будут, в том у них возьму письменное (л. 24 об.) обязательство и буду ханов и салтанов и знатных старшин приводить к присяге.

Абулхаир хан между прочими ханами у них был в великом почтении, а ныне на него Абулхаир хана все злобятца за то, что он просил быть в подданстве всероссийском один, и подлинное намерение Абулхаир хана чрез многия разговоры узнал[и], и он мне объявил чего ради он один без согласия других просил быть в подданстве всероссийском. Первое, ханы у них несамовластные; второе, — не наследные, а он Абулхаир хан желает, чтоб протекциею ея императорского величества быть ему самовластным и дети б ево по нем были наследники так, как Аюка хан волен над своими (л. 25) калмыками и ежели впредь неистпортитца Абулхаир хан ныне так верно поступает к стороне российской как надлежит доброму человеку и верному слуге, а как Букембат Батырь в бытность мою в киргис-касацкой орде стал верные услуги казять, понеже от Букембат — человек доброй совести и умной, и я низжайший от смерти избавился им, понеже с приезде моего в киргис-ка-

сацкую орду декабря по 25 число 731 году всегда киргис-касаки имели намерение, чтоб меня и хана убить до смерти, токмо спаслись охранением Букембат Батыря, о чем пространно о верных службах Букембат Батыря и на меня о вседневных нападениях объявлено будет во вседневной моей записке. И взяли меня и хана (л. 25 об.) он Букембат з братом и зятем в свои улусы, чтоб киргис-касаки не учинили мне какой противности, и ныне живем у них, и киргис-касацкая орда склонилась в подданстве всероссийском быть чрез добродетельное старание ево Букембат Батыря, и объявил он мне Букембат Батырь свою тайность и просил меня, ежели де, паче чаяния, киргис-касацкая орда не состоит в слове и отстанут от подданства всероссийского, то он Букембат Батырь и зять ево Есет Батырь и брат ево Худай Назар Мурза от них киргис-касаков отстанут и желают быть под рукою ея императорского величества всероссийского и кочевать бы им было вольно по реке Яйку. И оное их (л. 26) намерение ея и. в. угодно будет ли, и ежели же протчия киргис-касаки будут нападать на них, чтоб для споможения им Букембату Батырю указ на Уфу к башкирцам и яицким казакам пришетца ль, то он Букембат Батырь з зятем обещают киргис-касацкую орду привести в подданство всероссийское, в два года саблюю, а владения у них Букембая Батыря з братом и зятем ево будет 7 000 кибиток, а ежели де киргис-касацкая орда по присяге своей будет крепка стоять в подданстве всероссийском, то он Букембат Батырь з зятем ево будут с ними киргис-касаками жить мирно и постоянно, на что я их Букембай Батыря з зятем обнадежил намерение (л. 26 об.) их ея и. в. милостивно за благо принять соизволит, и на Уфу башкирцам и яицким казакам, и где кому способно будет им споможение чинить, указы пришлютца. И по том Абулхаир хан и Букембай Батырь и зять ево Есет Батырь и брат ево Худа Назар Мурза в том намерении себя крепко и верно утвердили и вторично присягали, а мое слабое мнение, чтоб Абулхаир хана и Букембай Батыря з зятем и з братом ево всеконечно надобно со обнадеживанием от киргис-касаков оторвать, ибо я у них видел, буде Букембай Батырь з зятем от них киргис-касаков отстанут, то киргис-касацкая надежда вся пропадет однако ныне (л. 27) как можно видеть, что вся орда утишилась, только я еще с протчими в Средней орде ханами не видался, с салтанами и старшинами, а в мае месяце всегда у них живет собрание, где будут ханы, салтаны и знатная старшина, и я сего 732 году в мае месяце со всеми увижусь, а которые ханы и салтаны присягали и обязались письменно, чтоб быть в подданстве всероссийском и ясак платить каждой что из своего владения, и просили меня что с тем известием желают они отправить к ея и. в. посланцов своих: Абулхаир хана посланец — свойственник Букембат Батыря — Баке Батырь, с одним служителем, а от Шемяхи хана (л. 27 об.) двое посланцов: Кулбака Теленгут, а другой — Яи Лган и при них один служитель Амаллык; от зятя Абулхаир хана Батыря салтана посланец Махометь Ходжа с одним служителем, от сына Абулхаир хана Нурали салтана посланец Чека Теленгут, жены Абулхаир хана — посланец Машкар. И оных посланцов пожаловать, наградить, понеже то приятно будет другим ханом и салтанам подданство всероссийское принять; посланцу Абулхаир хана свойственнику Букембат Батыря Баке Батырю, да Шемяхи хана посланцу Кулбаке Теленгуту по 50 руб. по 5 аршин хорошего сукна, да по чернобурой лисице человеку (л. 28). Шемяхи ж хана посланцу, другому и Батырь салтану посланцу по 40 руб. и по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, Нурали салтана посланцу, и жены Абулхаир хана посланцу по 30 руб. по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, 3-м кощею по 10 рублей человеку, особ-

ливо Абулхаир хана посланца Баке Батыря надобно пожаловать тайно, сверх той дачи, еще тридцать рублев, да сукно, чтоб Букенбаю было то приятно, а кормовых денег первым двум персонам по 15 коп., а прочим 4 человеком по 12 коп., а 3-м кощею по 7 коп. на день человеку, а на дрова и на свечи опричь кормовых, а при отъезде (л. 28 об.) пожаловать им кормовых денег на два месяца; да с оными ж посланцами соблаговолят пожаловать прислать киргис-казацким владельцам за доброе их намерение, что они подданство всероссийское приняли, милостею императорского величества несколько товаров, сукна, черныя лисицы, выдры, юфть, а именно Абулхаир хану на 100 руб., Шемяки хану на 100 руб., Батырю салтану на 70 руб., Нурали салтану на 50 руб. и оное им зло принято будет; на то смотря, другие ханы и салтаны будут в подданство всероссийское проситься и ясак платить с великою охотою и мне совершить свою комиссию (л. 29) будет очень легко. И государственная коллегия иностранных дел соблаговолит, особливо пожаловать ко мне, прислать с башкирцом Кидрясом, да с дворянином Кирилою Барабанщиковым на 300 руб. товаров не камазинных сукон, краснова 40, зеленова 20 аршин, ценою по 2 руб. по 50 коп., не простых сукон, краснова 20, да зеленого 20 аршин, пять лисиц черных по 10 руб. лисица, да 5 лисиц по 5 руб., выдр, лисиц 10, порешень 10, юфтей, красных кож на дачю в Средней орде ханам, салтанам и старшинам, понеже у меня не осталось ничего товаров и свои вещи и платья с плечь все роздал и тем их в подданство всероссийское привел, (л. 29 об.) и от злого намерения утишил. Да на содержание мое пожаловать прислать червонных, понеже я у себя не имею, денег ни копейки, и пропитания имею в долг, чтоб мне, здесь живучи, не принять посрамления, а с приезде моего и поныне от страху, от голоду и холоду приемлем несносную трудность, того ради что в киргис-казацкой орде мне корм не дается, и я у них прошу, и тем их не озлобляю, понеже де они киргис-казаки преж сего такова обычая не имели и ныне едва приходят на истинной путь. А что Абулхаир хан писал ко мне в Уфу, якобы бухарской и хивинской ханы просили чрез него, Абулхаир хана, чтоб быть в подданстве всероссийском и то неправда (л. 30). А от бухарского хана к нему Абулхаир хану прошения такого не было, токмо от хивинского хана к нему Абулхаир хану при мне прислан был посланец, и я с ним виделся, и о том разговоров никаких не было, а наивяще оной посланец возмущал киргис-казацкую орду, чтоб они подданства всероссийского не принимали, а меня бы убили; однако ж оной посланец мне учинить ничего не мог. Токмо де он Абулхаир хан в ту меру писал, что он желает Бухар и Хиву в подданство всероссийское привести не волею, а ныне он Абулхаир хан послал сына своего Нурали салтана к брату своему в Хиву с тем, чтоб он конечно принял подданство всероссийское, тако ж договоритца о коммерции, что бухарские (л. 30 об.) и хивинские купцы в Россию ездили чрез киргис-казацкую орду. На то я ему Абулхаир хану в разсуждение предлагал, что [бы] на то его склонить, понеже чрез киргис-казацкую орду коммерции быть невозможно: киргис-казаки — люди дикія и непостоянные и страху от ханов не имеют, буде купцам какую пакость сделают, то будет вам ханам безславление, — разве учинить так, буде бы Абулхаир хан просил у ея императорского величества, чтоб милостиво указать соизволила на устья реки Ор, где впадала в реку Яик. Сделать крепость, и в той крепости надлежит тебе хану зимовать и из киргис-казацких старшин из всякого роду по одному человеку быть тут во оном же городе (л. 31) у киргис-казацких дел судьями погодно; ежели кто из киргис-казак провинитца, чтоб они судьи по указом ея и. в. учинили тем пристойное наказание, и потом можно надеяться,

киргис-касацкая орда будет жить спокойем и кушам обид чинить не будут, и тебе хану будет беспечно. На что он Абулхаир хан склонился и с радостию за благо принял, а по моему слабому мнению, на устьях реки Ор всеконечно надобно зделась фортецию, для того первое, что киргиз-касаки аманатов давать на Уфу из детей старшин отказали, а как они из самих старшин из каждого роду по одному человеку учинят яко судьями у киргис-касацких дел в том городе жить, ясак збирать и в Москву отсылать погодно, то они будут вместо политических аманатов, и киргис-касаком пакости делать российским подданным будет невозможно, понеже она крепость будет им касакам великой страх, а российским (л. 31 об.) подданным превеликое охранение, и ежели она крепость построена будет, то в Бухар, в Хиву, в Ташкент, и в Торкустан караванам ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива ближе, нежели от Астрахани, понеже устья реки Ор от города Уфы расстоянием 550 верст, а Хива от того ж устья 600 верст, а до Бухар от того устья 800 верст, и дорога зело способная, воды довольные, о чем впредь объявлено будет в ланткарте ясно,—а ныне ланткарты зделать было никак не возможно,—и опасности кушам не будет, понеже в конвое для провожания будут киргис-касаки сами.

Да прошедшего декабря 26 дня 731 году призван я был к Абулхаир хану где были и старшина касацкая, и объявили мне: в прошлом де 729 году от него Абулхаир хана отправлен был посланец Бексулат с товарищи 4 человека в Табольск, которой и поныне держитца под караулом в Тобольску, и тем они меня многократно упрекали, на то я им сказал, оной посланец зачем от них послан был в Табольск и за какую притчину он одержан, о том я и известия не имею, знатно за ним посланцом ваши киргис-касаки учинили российским подданным какую пакость, может быть, по вашему обычаю (л. 32.) и одержен был, понеже у вас то над послами делаетца. И при той конференции о пленниках с ними я имел разговор, чтоб российских пленников они отдавали, а которые есть от них в полону в Руси, и те им отданы будут без окупу, и к тому многия пристойныя резоны им говорил, и на то ханы склоняются, токмо народ киргис-касацкий того не желают, а желают, чтоб как великороссийских, так и киргис-касацких пленников, положи цену, отдавать на выкуп, токмо я без позволения государственной коллегии иностранных дел о цене с ними договариваться не смею. Однако сколько возможно будет, (л. 32 об.) домогатца, представляя пристойныя резоны, чтоб безденежно возвращали.

А как я нижайший до владения каракалпацкого доехал, тогда каракалпацкий хан прислал ко мне письмо и при том для договору прислал три человека из духовных да пять человек из знатных старшин просить, чтоб ему своею ордою всемилостивейшей государыни и все-росийской быть в подданстве и ясак платить не желают, токмо из них один знатной старшина, называемой Уразак Батырь, обещался (л. 33) домогатца их каракалпак привести к тому, чтоб и они ясак платили. И имелись у них, каракалпак, завоеванные тому назад с 60 лет, наши башкиры двести кибиток, и они мне оных отдать обещали, а о российских пленниках я им довольно говорил, чтоб они, показуя первую верность к ея и. в., российских пленников отдавали, и то б было ея и. в. зело приятно, и еще на то не склоняются, ибо скоро их на истинной путь привести отнюдь не возможно, понеже оныя народы люди дикие. (л. 33 об.) И государственная коллегия иностранных дел ежели вышеобъявленное Абулхаир хана и Букенбай Батыря намерение за благо принять соизволит, чтоб в запас на Уфу к башкирцам и яицким казаком и где кому способно будет для споможения Букенбай Батырю и зятю ево Есет Батырю прислать ея и. в. указы, и о строении на устье

реки Ор города Абулхаир хана обнадежит ли, а о вышесказанном посланце Бек Булате с товарищи четыре человека в Тобольск соблаговолит послать ея и. в. указ, чтоб привести (л. 34.) их в город Уфу неумедля, а меня низжайшаго уведомить, за что оной посланец одержан был в Тобольску, чтоб я в собрании в мае месяце киргис-касакам о том мог ясно предявить, и оного посланца из Уфы им отдать ли, а ежели отдать, то им будет очень противно; и о пленниках, ежели не склонятся безденежно возвращать, денежною ценою договариватца ль, а посланцов Абулхаир хана и протчих соблаговолит возвратить к майю месяцу, а ежели оныя посланцы к майю месяцу не возвратятся, то в договорах учинится превеликая остановка, то дожидатца мне будет другога году; покорно (л. 34 об.) прошу государственной коллегии иностранных дел присланного от меня дворянина Кирилу Барабанщикова за многия ево верныя службы и всеусердные труды пожаловать ево Барабанщикова в Уфимския дворянския роты вахмистром и о том в Уфу послать ея и. величества указ, понеже он Барабанщиков человек доброй не токмо что в унדר, но и в обор-офицеры достоин. А башкирцу Кидрясу Моллокаеву пожаловать пятьдесят рублей денег и на кафтан сукна, понеже он Кидряс во интересах ея императорского величества верной слуга (л. 35.) и многократно видел смерть и зело доброжелателен к российской стороне, и ежели он будет награжден то и протчия башкирцы, которые имеютца при мне, на то смотря, будут во интересе ея и. величества, не жалея живота своего, со усердием служить, а киргис-касацкая орда будет числом 40 000 кибиток, каракалпацкая орда числом 10 000 кибиток.

Из Аральского моря.

Переводчик Маметь Тефкелев.

**Донесение М. Тефкелева в коллегию иностранных дел,
20 июня 1732 г.¹**

(л. 152.) Понеже указ ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы из государственной коллегии иностранных дел, отпущенной из Москвы декабря 2 дня прошлого 1731 года, в касацкой орде получен апреля 9 дня сего 1732 году, в котором написано, чтоб по отправлении врученной мне в козацкой орде комиссии съехаться у Аральского моря с полковником от артиллерии господином Гарбером, которой отправлен в Хиву и в Бухары и, съехався о предложениях и желаниях бухарского и хивинского ханов о подданстве их к ея императорскому величеству обстоятельно (л. 152 об.) сообщить и ехать с ним полковником для того дела в Хиву и в Бухары, понеже ему полковнику помянутых ханов в подданство ея императорского величества принять велено и во всем ему полковнику чинить всякое споможение. А я низжайший, будучи в касацкой орде о нежелании бухарского и хивинского ханов к ея императорского величеству в подданство уведомился подлинно, понеже от Абулхаир хана декабря 19 числа прошлого 1731 году послан был сын ево Нурали салтан к хивинскому хану и всей хивинской Речи Посполитой, чтоб и они были в подданстве империи российской, а возвратился Нуралы салтан в касацкую орду марта 2 дня сего 1732 г. от хивинской Речи Посполитой (л. 153) с великим недовольством и озлоблением за то, что он Абулхаир хан с своею ордою пошел в подданство российское, токмо он Абулхаир хан за ту обиду сына своего объявил с хивинцами войну и послал сына

¹ ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732 г., лл. 152—159.

своего Нуралы салтана, сообщась с оральским ханом, Хиву воевать. А марта 28 дня сего 1732 году уведомился я чрез Абагай салтана, что господин полковник Гарбер, не доезжая Хивы, кайсаками ограблен таким образом: понеже он Абагай салтан ездил с Батырь салтаном в трухменскую землю воевать трухменцов, а войска при нем Батырь салтана было 1750 человек и, едучи в Трухмен, от него Батырь салтана отстал один из противной партии (л. 153 об.) старшина Бахтыбай и с ним касаков 150 человек, которые поехали к вольским калмыком, чтоб отогнать лошадей, а Батырь салтан, ведая, что калмыки в подданстве ее императорского величества, отправил от себя со известием двух человек к калмыцким владельцам, чтоб от оного Бахтыбая были опасны. И наехал оной вор Бахтыбай на господина полковника Гарбера и осадил его на степи в безводном месте и сидел де он господин Гарбер от него в осаде 12 дней; а Батырь салтан как возвратился назад, уведомился при нем войско касакское, что оной вор осадил полковника Гарбера, поехали к оному вору в помощь, а он салтан от такого их намерения унять не мог, понеже они (л. 154) касакки люди вольные и ханов мало слушают. И как приехали ко оному Бахтыбаю и вознамерились, соединясь с ним Бахтыбаем, его Гарбера разбить и пожитки разграбить, а самих в полон побрать; токмо он Батырь салтан да один доброжелательной старшина Тягриберди их кайсаков до того не допустили и уговорили их, чтоб они кайсаки взяли у него Гарбера пожитку половину и на том помирились, и дал де им кайсакам Гарбер 250 верблюдов с товарами, а 250 верблюдов с товарами взял себе. И как он Батырь салтан приехал в касакскую орду, уведомился Абулхайр хан и все знатная старшина, что касакки такую пакость учинили (л. 154 об.), жестоко на него Батыря салтана осердились, токмо он Батырь салтан от того со свидетельством оправдился, якобы он тому не виноват, и о том доброжелательныя старшина зело имели сомнение, что плуты чинят такая пакости, а ее императорское величество на них де на всех гнев держать будет, токмо я доброжелательных старшин обнадеживал тако: понеже указом ее императорского величества за дела плутов добрыя люди наказаны не бывают, ибо всяк по своим делам ответствен, и на то все доброжелательныя старшина обратились и наивящее себя в верности утвердили. а Батырь салтан многократно просил меня со слезами, чтоб я отписал об нем в государственную коллегию иностранных дел (л. 155) его оправдать, понеже хотя зделали такую пакость касакки, а злое слово осталось на него; тако ж де Букембай Батырь советовал мне, чтоб я в собрании не прилежно оной табор претендовал, понеже де противныя касакки еще не вовсе в подданстве российском утвердились, а как де утвердятся, то де и после можно на них взыскать. Да в феврале месяце сего году касакки поехали к калмыкам вольским, чтоб отогнать лошадей, а Букембай Батырь, показуя верность к ее императорскому величеству, послал от себя к калмыцкому владельцу Доржи Назарову со известием 7 человек, чтоб они от касаков были опасны, которых на дороге поймали яицкие казаки, а он Букембай Батырь о измене к ее императорскому величеству калмыцкого владельца Доржи Назарова с сыном тогда не знал и просил меня он Букембай Батырь, чтоб я отписал в коллегию иностранных дел, дабы оныя касакки 7 человек за его верныя к ее императорскому величеству службы были освобождены и присланы б были для отдачи в город Уфу. Да прошедшаго мая в 11 день в касакскую орду к Абулхайр хану приехали от калмыцких владельцев от Доржи Назарова и от сына его Лобжи два человека калмык с письмами называемые Берген Хашка, Даменко, которых присланы от них владельцев в касакскую орду нарочно возмущать

Абулхаир хана и Букембай Батыря, Есетъ Батыря и всю касакскую орду, чтоб они не шли в подданство российское и дали б кайсацкого войска, соединясь с калмыками (л. 156) Доржи Назарова, воевать российских города и сына Аюкай хана Черендундука, а наиболее возмущали итти воевать российских города, понеже российской народ — люд не воинской, яко сорты, сиречь посацкия или пахотныя мужики, а Доржи Назарова сын Лобжа почитает российских людей вместо мышей и может де он Лобжа русских людей отдать, взяв за уши. Тако ж де оныя Доржи Назарова с сыном присланныя калмыки тяжко поносили высокую и дражайшую персону ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы везде в публичных местах и объявили оныя калмыки кайсакам, что Доржи Назарова сын Лобжо столько побил российского войска, что их калмыки ездили не на земле, но по телам российского войска и объявили оныя посланцы Абулхаир хану (л. 156 об.); что владелец их Лобжа желает отдать дочь свою за сына Абулхаир хана и дает де приданова... и всякого скота довольное число; також де обещает Букембаю Батырю и Есетъ Батырю по 200 лошадей и по 100 верблюдов. И потом я стал в разсуждение говорить Абулхаир хану и Букембаю и Есетъ Батырям, чтоб они к ея им-у в-ву всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской многие свои верныя в привождению касакского народа в подданство российское труды не теряли и на слова неосновательныя и возмутительныя калмыцких посланцов не смотрели и плутовским бы обманом не верили и не отложились бы они от российской империи и стояли б по присяге своей крепко и постоянно, понеже (л. 157) российская империя в свете славное государство яко не поколебимой столп, и когда касакской народ увидит на себя от неприятелей нападения, то может вся орда касакская спастись высокою протекциею российской империи и жить будет спокойем, а оныя плуты и изменники Доржа Назарова с сыном Лобжою яко ветры, не токмо, чтоб другому народу помогать могли, и себе основания не имеют и преж сего они охранены от неприятеля бывали высокою протекциею ея им-го в-а и потому можно знать, что он Доржа токмо с сыном плутуют, а главной их калмыцкой Аюки хана сын Черендундук стоит и ныне ея императорскому величеству во всякой верности, а он изменник Доржа с сыном своим Лобжою будут за их противныя поступки указом ея императорского величества наказаны, а присланныя (л. 157 об.) калмыки за продерзости слова будут повешены. И на то Абулхаир хан и Букембай и Есеит Батыри сказали, что они сами знают, что калмыцкая орда — ветер, а российская империя — не поколебимой столп и от российской империи до смерти своей руки своей не отымать и до капли своей крови ея им-у в-ву по присяжной своей должности служить верно будут. И при отпуске оным калмыцким посланцем объявил Абулхаир хан тако, что он Абулхаир хан со владельцом их Доржою Назаровым и с сыном ево Лобжою единомышленно российских городов воевать не будет и своего киргис-касацкого войска к ним не пошлет и дочь владельца Лобжи за сына своего не возьмет (л. 158) и на великие приданья не соблазнится для того, что он владелец Лобжа стал быть ея им-у в-ву противен, и присягу свою не нарушит и тем изменническое имя себе не примет; и Букембай Батырь к нему владельцу Дорже Назарову по письму ево не поехал. И ежели за такія их противности повелено будет указом ея им-го в-ва владельца Доржу Назарова и сына ево Лобжу разорять, то он Абулхаир хан пойдет со всем своим касакским войском разорять оных владельцов со всяким своим усердием, а числом кайсаков в Средней и в Малой орде имеется 80 000 кибиток. И в приезд оных калмыцких посланцов столько трудился Абулхаир хан и Букембай и Есеит

Батыри, чтоб, смотря (л. 158 об.) на слова калмыцких посланцов, касакская орда не возмутилася, хотя б всякое российское подданное, по своей должности возымел такие труды, понеже уже многия касакская старшина на возмутительныя слова калмыцких посланцов обратилися было, однако, слава богу, трудами Абулхаир хана и Букембай Батыря вся орда утишилася и до такой злой причины не допустили и оных калмыцких посланцов хотели самих послать к ея им-у в-ву, токмо того им зделать было нельзя, понеже калмыцкия владельцы удержали у себя касаков из старшин 5 человек, пока их посланцы возвратятся, да и в Среднюю орду отправлены от него ж владельца Доржи Назарова с сыном (л. 159) два ж человека калмык для возмущения ж и просить войска воевать российских городов и отговаривать, чтоб Средняя орда не шла в подданство российской империи. Токмо минувшего мая в 21 день приехал ко мне из Средней орды знатной старшина Чак Чак Букембай Батырь, и он Букембай Батырь, как уведомился чрез меня, что калмыцкие посланцы поехали для возмущения в Среднюю орду, и отправил от себя наскоро в Среднюю орду к знатым старшинам, чтоб они на возмущение калмыцких посланцов не смотрели и соблазным бы словам их не верили, и надеется он Чак Чак Букембай Батырь, что в Средней орде старшина их возмутительные калмыцкия (л. 159 об.) слова не примут и Российской империи злое мыслить не будут. А для моей комиссии Средняя и Малая орда собрание в мае месяце отложили до июля месяца для того, что не приехали их посланцы из Москвы, а письма калмыцкого владельца Доржи Назарова и Лобжина Абулхаир хан посылает чрез своего посланного при листе своем. Покорно прошу оного посланного от Абулхаир хана милостиво приказать наградить, понеже то будет Абулхаир хану и всем доброжелательным старшинам приятно и наивящее будут к ея им-у в-ву служить верно.

Из касакской орды, от реки Иргин, июня 20 1732 году о сем доносит

переводчик Маметь Тефкелев.

Из краткого описания о положении и состоянии киргиз-кайсацкого народа¹.

(л. 32) Первое всего надлежало бы здесь показать о начале и происхождении киргиз-кайсаков, следовательно, и о первобытном их состоянии, так и о том, с которого времени зделались они известны россиянам, но сего по делам, у генерала-прокурора производимым, а частью и по другим сведениям, из которых сие описание извлечено, не видно, ибо до 1782 года все дела, до сего народа относящиеся, ведомы и производимы были в коллегии иностранных дел, где между другими обстоятельствами есть, может быть, в оной и о сем достоверное сведение; в том же 1782 году по случаю выбора в Средней киргиз-кайсацкой орде ханом султана Вали и посылки от него ко двору ея и. в. нарочных с прошением высочайшего утверждения его в том достоинстве, его сиятельство г. действительный тайный советник граф Александр Андреевич Безбородка сообщил (л. 32 об.) покойному действительному тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому в письме от 3 генваря того года, что ея и. в. по прочтении о том репорта в коллегию иностранных дел от правившаго тогда должность генерала-губернатора иркутского и колыванского генерала-порутчика Якоби ото-

¹ ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1793 г., лл. 32—68 об. Заголовок подлинника. Документ даты не имеет, на основании разных мест текста должен быть отнесен к 1796 г.

зваться изволила, что орда сия в числе подданных ея величества состоит, то и не свойственно департаменту, постановленному для отправления внешних дел, вступать в распоряжения, кои не иначе, как внутренними почестся должныствуют. Известно, что прежде зависели от коллегии иностранных дел многие подданные народы и провинции, но ея и. в., находя сие вовсе несходствующим с образом управления, оные из той зависимости изъять и губернаторам и прочим военным и гражданским начальникам подчинить соизволила; (л. 33) следуя тому, повелевает ея величество и о сих от подданной ей Средней киргизской орды присылаемых нарочных: 1) чтоб их не именовать, как прежде бывало, посланниками, но депутатами; 2) чтоб от правящего должность генерал-губернатора препровождены они были к генерал-прокурору так точно, как и все ко престолу монаршему от губерний присылаемые депутаты препровождаются; 3) чтоб генерал-прокурор, приняв их прозбы и желания, представил их ея величеству обыкновенным порядком и о доставлении им в прошениях их монаршей резолюции имел старание; 4) чтоб в разсуждении найма квартир таковым от орд присылаемым депутатам, содержания их, подарков при приезде и отпуске — поступлено было по прежним примерам, получая о том сведение от коллегии иностранных дел; 5) чтоб коллегия сия по требованиям генерала-прокурора не только таковое сведение (л. 33 об.) доставляла, но чтоб по надобности на то время в переводчиках, толмачах и других людях подавала всякое пособие; 6) но что принадлежит до донесений ей о сих народах по политической части и по содействию и связи их с прочими пограничными империи всероссийской, в том поступать по прежнему. На каковом основании с того 1782 года поныне и поступается. И так обо всех особливого примечания достойных о киргиз-кайсаках обстоятельствах и происшествиях, какия с вышеупомянутого 1782 года поныне у генерала-прокурора известны, и какия высочайшия повеления последовали, изясняется в нижеследующем с показанием во-первых разделения сего народа, границ, числа их, нрава и законов яко то¹:

1

(л. 34) Весь народ киргизской разделяется на три орды: на Большую, Среднюю и Меньшую, из коих последние две состоят в подданстве ея им-го в-ва, а именно Средняя пришла в подданство, как из Оренбургской истории видно, в 1740 и 1742 годах, а Меньшая — в 1730 и 1738 годах; каждая же орда разделяется на особливые роды, а некоторые из оных на разные колена; каким же случаем и почему сии орды на три части под вышеказанными именованиями разделены, по делам неизвестно, так как и в упомянутой истории сказано, что сведения об оном не получено.

2.

Из сих орд граничат Меньшая к Оренбургской линии, и киргизцы сей орды кочуют на двух речках, именуемых одним именем Бурсуки, на вершинах Орь реки и по рекам Илеку, Эмбе и в оную выпадающим. (л. 34 об.) Также и ниже Уральского городка на речках, впа-

¹ В прочем видеть можно многия любопытныя о киргиз-кайсаках обстоятельства и сведения из истории и томографии Оренбургской в ежемесячных сочинениях при здешней Академии Наук первой в 1759, а другой в 1762 годах напечатанных. (Прим. подлинника.)

Здесь имеется в виду «История Оренбургская», составленная — П. И. Рычковым, который с 1734 по 1777 г. заведывал перепиской главных начальников Оренбургского края.

дающих в реку Урал, до Гурьева городка и до Каспийского моря. Средняя орда, прилегая к Сибирским линиям, кочует по рекам Тоболу, Ишиму, на вершине реки Иртыша и при урочище называемом Кук-Тау. Большая же Орда в которых точно местах кочует, по делам у генерала-прокурора сведения нет, а из вышеупомянутой Оренбургской истории видно, что смежна она с зюнгорцами позади Ташкента и Туркестана.

3.

Касательно числа народа, состоящего в обеих вышеозначенных Меньшой и Средней ордах, то в 1783 году г. генерал-поручик Апухтин¹ писал, что о сем хотя подлинного сведения и нет, однако ж достоверно полагать можно, что ежели бы повиновались они начальствующим и имели бы между собою связь (л. 35), то могло бы их собраться годных к вооружению тысяч до ста, но как они род против рода имеют всегда между усобную ненависть, то и не могут никогда составить из себя общества в великом числе².

5.

(л. 35 об.) Закону все они хотя магометанского, но менее всех правил его содержат по весьма малому об этом сведению, ибо из числа грамотных людей никого почти нет, для чего и имамов, или попов собственных своих они не имеют, а посылают к ним по большей части как для отправления по их закону службы, так и писарской должности оренбургския и уральския, грамоте умеющие, татары, а равно и из других мест ими призываются, из коих первым и жалованье производиться от Оренбургской пограничной экспедиции, ибо грамоте знающих людей из их народа прежде у них не было, да и ныне нет, кроме нескольких султанов, имевших случай обучиться у вышесказанных татар.

6.

Живут они все скотоводством, а многие из них и ловлею зверей промышляют, в чем их и главное богатство и торг состоит, хлебопашества же никакого не имеют и ни к каким учениям и художествам не прилежат.

7.

(л. 36) Народ киргизской упомянутых двух Меньшой и Средней орд управляет ханами, султанами, биями и старшинами; закона однако же политического или гражданского на письме никакого они не имеют, да и иметь за неумением, как выше значит, грамоте нужды не находят, и для того писменно никогда не судятся, но на словах по образу третейского суда, и то естли обе стороны похотят сами.

¹ Оной находился тогда в должности генерала-губернатора Уфимского (Прим. подлинника).

² Из Оренбургской же истории в 1762 году, как выше значит, напечатанной видно, что о числе людей в двух подданных ордах хотя точного известия и нет, но то не сумнительно, что от 40 000 до 50 000 к воинскому делу способных людей легко может собраться, почему, ежели сие и г-на Апухтина показание достоверно, можно судить, коликое приращение в том народу в течении 20 лет последовало, а Большая орда людетвом против других орд гораздо менее иубожее. (Прим. подлинника.)

в противном же случае никто и ниже сам хан не может к суду принудить; а дабы обидчика заставить самого искать суда, то весь род обиженного делает над улусами его репресаль и забирает от него скота такое количество, что б могло его самого принудить искать суда. И так выбирают уже третьих, которые судят их по натуральным правам, обвиняя почти всегда начальника ссоры. Хотя же на суд сей и никакой нет (л. 36 об.) апелляции, но обвиненной редко повинуется судейскому приговору, а получает обиженной удовольствие захватом же скота, в каковом случае и другие делают иногда оправданному помощь; но по большей части, если обвиняемой сильного рода, то оправданной остается всегда без удовольствия. Во отвращение каковых беспорядков, по безпримерному ея им-го в-ва милосердию и о сем народе, учрежден в Оренбурге для разбирательства дел киргиз-кайсаков Меньшой орды пограничной суд, и в самой той орде несколько расправ, так как об оном подробнее ниже сего в своем месте объяснено будет.

8.

Ханы выбираются самим народом на основании высочайших ея им-го в-ва повелений, главным пограничным начальником даваемых, и обвешительных к народу грамот, утверждаются же (л. 37) они торжественным образом высочайшими ея им-го в-ва за государственною печатью грамотами в присутствии тех же начальников по особливым обрядам. О каковом утверждении и народ извещается особливыми также грамотами, от имени ея им-го в-ва из Сената посылаемыми, за государственною же печатью. При сем случае возлагаются на ханов знаки ханского достоинства, отсюда посылаемые, яко то: соболя пуба с шапкою и сабля с следующею на ней насечкою золотыми литерами на одной стороне на российском, а на другой на татарском языке: «божиею милостию Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссийская, жалует сею саблею подданного своего (такого-то) хана киргиз-кайсакой (такой-то) орды при утверждении его в сие достоинство (месяц) « » дня « » года». В 1793 году при случае утверждения бывшего (л. 37 об.) пред сим в Меньшой орде хана Эрали установлены уже в правительствующем сенате формуляры обрядов избрания и утверждения ханов киргиз-кайсацких и на будущее время, кои и прилагаются здесь в копиях под буквами А и Б.¹ Ныне в сих ордах ханами состоят: в Средней — Вали, а в Меньшой — старшей сын умершего хана Нурали подполковник от армии ея им-го в-ва султан Ишим, который избран ханом в прошедшем только 1795 году по смерти Эрали, и высочайше повелено в оном достоинстве его Ишима утвердить, по каковым же вследствие сего формулярам заготовляются в правительствующем сенате для отправления к тамошнему пограничному начальнику обвешительная грамота для народа и патент для хана так, как и присяга, и с их формуляров прилагаются при сем копии под буквами В, Г и Д.

9.

(л. 38). В обеих ордах городов нет, а кочуют киргизы по степям улусами в так называемых ими кибитках, переходя с места на место, где удобнее скот свой продовольствовать они могут. И хотя в раз-

¹ Приложения, о которых упоминается здесь и ниже, нами не воспроизводятся.

суждении Меньшой орды, по представлениям г. генерала-аншефа барона Игельстрома, в данном ему высочайшем ея им-го в-ва от 3 июня 1786 года [указе], между прочим, сказано в 4 пункте: «разделение степи для киргизцов сперва на три части и построение там городов, тако ж, где прилично для главных их родов, мечетей, школ и гостиных дворов весьма нужны и полезны и, чем скорее вы к сему приступите, тем более нам приятно будет», в 13: «заводимые в степи города надлежит стараться прежде всего обречь ровом и укрепить валом, дабы и работы в них успешнее производимы и оборона на случай воровских покушений (л. 38 об.) удобнее найдена быть могла, но при всем сем наблюдать крайнюю осторожность, чтоб толь диких народов не потревожить и не отвратить, а потому и во внушениях им о пользе и надобности сих городов и о нужде вперед для охранения их далее построить города или укрепления поступать с осмотрительностью, что вам, по пребыванию вашему на месте, гораздо способнее предвидеть, и так в том изворотиться, как лучше для службы нашей и спокойствия края вам вверенного сходнее». Но было ли относительно сих городов, мечетей и школ какое от него Игельстрома или после от губернатора уфимского распоряжение, по делам у генерала-прокурора о сем ничего не видно; сколько же известно от приезжающих сюда из тамошнего края, то внутри обеих Средней и Меньшой орд городов, как выше сказано, еще нет, а равным образом и школ.— На основании же особливового высочайшего ея им-го в-ва указа, данного покойному г. действительному (л. 39) тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому от 8 июля 1782 года, построены одни мечети по соглашению правящих должность генералов-губернаторов тамошних и командовавшего на Сибирских линиях, первая при Оренбурге, как по причине близости кочевья бывшего тогда в Меньшей орде хана Нурали, так и в разсуждении приезжающих туда ежегодно киргизцов и других азиатских народов для мены товаров, вторая — при Верхне-Уральске по случаю расположения против Верхнеуральской дистанции всех знатных старшин, а третья и четвертая — на Сибирских линиях, при Троицкой и Петропавловской крепостях в разсуждении продолжаемой в них торговли для лучшего по сему поводу прихочения к безпрерывному всех азиатцов приезду, а не менее и в разсуждении близости тогдашнего пребывания Средней орды хана. На построение сих мечетей ассигновано было 20 000 руб. в течение четырех лет и вследствие высочайших ея в-ва повелений, в письмах к тем гг. начальникам губерний от генерала-прокурора объявленных, таковое построение их назначено было учинить не внутри упомянутых крепостей, а вне селений сколько можно ближе к самой границе для того, дабы тем более подать удобства тамошним иноверцам к отправлению по их закону службы.

10.

Относительно произшествий от киргиз-кайсака, то Меньшая орда, как писал сюда в 1783 году генерал-порутчик Апухтин, с самого вступления ее в подданство ея им-го в-ва всегда обращались в продерзости отгоном скота, грабежом людей попавшихся иногда между фарпостами в малом числе или обзедов, а что всего сожалительнее, — увозом подданных ея им-го в-ва, которых продают киргизцы в азиатские великой Татарии области за немалую цену, где они употребляются на тяжчайшие, а не соответствующие силам человеческим работы, с тиранским принуждением, побоями, без одежды, с малою, но при том негодною к употреблению (л. 40) пищею, которых по объявлениям выку-

паемых по высочайшему милосердию ея в-ва от тиранских рук пленников в Хиве только и Бухарии около 10 000 душ в тогдашнее время в мучительной неволе находилось, исключая женского пола, коих по большей части киргизцы оставляют у себя в орде и по той причине, что платят они за национальных своих жен великой калым, или вывод, а сии достаются им безденежно, и которых во всех киргизских улусах немалое количество находится; так великое число сих несчастных, не могло бы быть от частного воровского киргизцами похищения, но увеличилось оное во время бывшего в тамошнем краю замешательства, когда уральские казаки оставили во многих местах линию без стражи, а киргизцы во многом числе, прорвавшись и около Самары реки, сверх захвата людей на полях, несколько целых селений раззорили и всех людей, кроме спасшихся бегством, забрали и увезли.

Причина сему — образ (л. 40 об.) беспорядочного правления начальствовавших тогда над ними, ибо они ни хану, ни султанам, у которых роды их под начальством, не только ни малого повиновения не оказывали, но иногда и у самого хана лошадей и скот отгоняли. Но всему однако ж их своевольству большею причиною состояли сам хан и султаны, которые, имея тот же корыстолюбивый нрав, никакого правосудия в подчиненном им народе не сохраняли, но все их правление основано было на мздоимстве и корыстолюбии, для чего подчиненных им киргизцов не только не удерживали от воровства и их за то не наказывали, но для получения себе добычи и попускали еще их на злодейство, а в случае здешнего требования об отдаче похищенного и наказания воров, о которых правительству известно было, не только похищенного не возвращали и не наказывали похитителей, но еще и защищали их, обращая вину на те роды, которые им противны, а хотя они и давали некогда знать о воровских предприятиях киргизцов (л. 41), но о тех только, от которых не думали иметь себе корысти или по неподчинению им, или о тех, кои по силе своего рода и сами их презирали; равно же и захваченных людей, как сам хан, так и султаны хотя иногда и выдавали, но не прежде, как по захвате из похитительских родов знатного людей количества, так как и в высочайшем ея им-го в-ва указе от 3 июля 1783 года, ему генерал-порутчику Апухтину данном, между прочим предписано, что ежели бы ханы или султаны, получа известие от него или от оренбургского обер-коменданта, отклоняли или упорствовали доставить удовлетворение потерпевшим, в таком случае можно прибегнуть к репрессалии над киргизцами. При всем том выдачу наших пленных производили они с таким безстыдным договором, чтоб всех захваченных киргизцов освободить, а они вместо того торгуются выдать (л. 41 об.) двух, трех или четырех человек, смотря по числу от них захваченных из похищенных киргизцами здешних людей, как бы они им-то уже нооспорно и неотъемлемо принадлежали.

Сверх того, нередко грабили киргизцы и купеческие караваны, проходящие чрез степь как сюда из азиатских соседственных с ними областей, яко то: Хивы, Бухарии и Ташкента, — так и со здешней стороны в сии области, и удовлетворение со стороны киргизцов, потерпевших¹ сей грабеж, можно сказать никогда почти в полной мере не выполнялось, а по таковым обстоятельствам такой по высочайшей воле ея им-го в-ва учинен был в 1784 году от покойного князя Александра Алексеевича Вяземского к хану Нурали отзыв, с одного прилагается при сем (л. 42) копия под буквою Е. Прежде до 1770 года браны

¹ Так в подлиннике.

были из орды на здешнюю сторону аманаты из детей ханских, но с того времени как тот же генерал-порутчик Апухтин в 1783 году донес ея им-у в-ву, [что] их уже не находится по той причине, что прежде того двое, в том числе последний в 1769 году, от оспы померли, и хан, коим был тогда Нурали, с того времени от дачи детей своих в аманаты уклонялся, да и тогда, когда они там содержаны были, никакой пользы от них не происходило (л. 42 об.) по неповиновению к нему киргизцов. И как неудовольствие и жалобы на сего хана возрастали от большой части старшин и народа, ему подвластного, которые, отложась от него, желали низложить его, и на место его возвести другого, то во время начальствования в тамошнем краю генерала-аншефа барона Игельстрома, яко-то в 1785 году, доведены они были распоряжениями его г. Игельстрома до того, что тогда за рекою Уралом при речке Джанбычки состоялось под руководством старшины Сырым Батыря, начальствовавшего до того в течение (л. 43) трех лет во всех хищничествах, всеобщее собрание народа, в котором старшины и народ дали клятвенное обещание над алкораном быть вечно верными, добрыми и послушными подданными ея им-го в-ва и более никаких своевольств и вредностей другим подданным не чинить; в прежних же своих продерзостях всемилостивейше от имени ея им-го в-ва, они прощены. А хан Нурали, вследствие высочайшего ея им-го в-ва указа от 27 ноября 1785 года, вызван был в 1786 году в Уфу, где под предлогом собственной его безопасности от киргизцов и был удерживан до самой его кончины, которая последовала в 1790 году. — Между же тем в 1785 году народ, разделясь на три части или главные роды, именующияся Каракисяцкой, Байулинской (л. 43 об.) и Семипродской, избрали для управления себя трех сильных по достоинствам старшин, а начальным во всех по орде обстоятельствах советником — упомянутого старшину Сырыма, которой награжден потом был разными вещами и тарханским достоинством¹, так как и многие другие из знатнейших султанов и старшин получили разные от ея им-го в-ва награждения. По убеждениям сих старшин и народа со стороны правившего должность генерала-губернатора, на основании высочайших рескриптов, данных генералу-порутчику Апухтину от 2 мая 1784 и барону Игельстрому от 3 июня 1786 года, так как выше в статье упомянуто, для большого приведения киргизцов Меньшой орды в спокойствие, учреждены к разбирательству одних судебных гражданских и уголовных дел, с киргизцами случающихся, в Оренбурге пограничной суд, в коем заседают члены, избираемые из киргизцов и российских чиновников, также мещан башкирцов и мещеряков, а в самой орде в главных их родах — расправы. При главном же в Уфе (л. 44) начальнике положено быть в виде депутатов от каждого рода по одному старшине, кои переменяются чрез каждые три года, и всем заседающим от стороны киргис-кайсака в суде и в расправах так, как и старшинам, при генерале-губернаторе находящимся, производится положенное жалованье². За всем тем по смерти хана Нурали, когда благоугодно было ея им-у в-ву предписать бывшему губернатору уфимскому генералу-порутчику Неутлиngu высочайшим указом от 29 января 1791 года, дабы для сохранения в орде киргизской устроившего и порядка избран был там ханом, на место его, Нурали другой, к чему назначен был султан Эрали, старшей брат умершего хана, которой действительно был избран

¹ В чем именно сие достоинство заключается, о сем прилагается здесь особливая выписка под буквою Ж. (Прим. подлинника.)

² Что именно в разсуждении пограничного суда, расправ, также и депутатов при главном начальнике в упомянутых рескриптах предписано, о сем прилагается здесь выписка под буквою З. (Прим. подлинника.)

и утвержден с придачею к нему для (л. 44 об.) совета двух султанов и шести человек старшин, самими киргизцами избранных, коим и жалование определено,—тогда поступки вышеозначенного старшины Сырыма начали подавать сомнения в его усердии и верности, ибо при сказанном выборе ханом султана Эрали, которой также в 1794 году умер, он Сырым с сообщниками своими уклонился от собрания киргизцов, для того выбора бывшего, сколько к тому приглашаем ни был, а потом пустился и на дерзости против границ наших и против повинующихся хану так, что в течение 1792, 1793 и 1794 годов, сколько по доставленным от губернатора сведениям видно, захвачено было киргизцами из-под разных крепостей российских подданных 116 человек и немалое количество лошадей и рогатого скота отогнано.—И хотя в 1792 году бывшей (л. 45) губернатор уфимской генерал-поручик Пеутлинг, по прозбе Эрали, предпринимал учинить незанятые походы на зимния тех злодеев кочевья отрядами регулярных и нерегулярных войск, однако ж по высочайшей воле ея величества генерал-прокурор сообщил ему от 2 декабря 1792 года, что всемилостивейшей государыне угодно, дабы таковую предпринятую посылку войск он остановил, а чтобы тот дерзостной киргизец Сырым не мог ничего вредного сделать по границе, то взял бы надлежащую предосторожность и изыскал другие к пересечению вредных его поведений способы. После того по прошению начальников Меньшой киргис-кайсацкой орды, противную в орде партию составляющих, в том числе и вышеозначенного Сырыма, доставленному в 1793 году к его светлости г. генералу-фельдцейхмейстеру и кавалеру князю Платону Александровичу Зубову, послан был в орду, вследствие высочайшаго ея им-го в-ва соизволения, находящийся здесь родственник их секунд-майор султан Ширгази; однако же и сия посылка спокойствия и согласия в орде водворить не могла, ибо как со стороны противной хану партии многие открыты неудовольствия на хана и приверженных к нему, равно как и на здешнее пограничное начальство, так, напротив того, от хана и противных придерживающихся ему и усердствующих к стороне здешней принесены жалобы на султана Ширгази и на упомянутых противников в разных учиненных от них несправедливых и не пристойных по орде разглашениях, о чем губернатор уфимской писал сюда обстоятельно. (л. 46) Наконец по определению в 1794 году в должность генерал-губернатора уфимского г. генерала-поручика Вязмитинова, когда по воле ея им-го в-ва сообщено ему было от генерала-прокурора при письме от 30 декабря того года обо всех по Меньшой орде обстоятельствах сведение с тем, чтобы он вошел в подробное рассмотрение, из какого числа и каких людей состоит в Меньшой орде развратная партия киргизцов, имеют ли какое основание приносимые от некоторых из них жалобы и прозбы и нет ли возможности обратить их добрым образом на путь истинный, представил он ея им-у в-ву от 3 апреля 1795 года, что вся Меньшая орда разделяется на две главные партии, первая из них придерживается Ишима¹ и кочует ближе к границам нашим; вторая (л. 46 об.) недовольная пограничным здешним начальством и удаляющаяся в степь, в которой пребывают султаны Абулгазид и Буркан братья Ширгазиевы и дети Каип хана, бывшего в сем достоинстве в Бухарии, да Нуралиев сын Исенгалы, по руководству оною Сырым, и сия последняя не столь многочисленна как Ишимова.—Некоторые из жалоб киргизских хотя и не без основания, но повод к иным из тех случаев, при которых возчувствовали они

¹ Оной есть султан, сын умершего хана Нурали, которой, как выше значит, избран уже ныне ханом (Прим. подлинника.)

оскорбление, подан ими же самими; по делам же видно, что пограничное начальство старалось о доставлении им удовлетворения, а в полной ли мере они его получили, того — по несовершенной уверенности в справедливости их претензии, утвердительно сказать нельзя, а не мало прошедшее время подвергает многим неудобствам возобновление о том исследований, хотя и можно заключить, что поступки уральских (л. 47) казаков недовольно обнаружены и воздержаны. — Под безпрестанным о сих жалобах напоминанием чуть ли не сокрывается Сырымово намерение подстрекать приверженцев своих к неудовольствию к российской стороне и, делаясь за них ходатаем, держать их в некоторой зависимости. К сему немалым поводом быть может потерянное им со здешней стороны уважение и исключение его в 1793 году из числа главных старшин. Между тем все требовании нашей управы над злодеями остаются без выполнения, и нет в орде ни повиновения к своим начальникам, ни твердости и усердия сих последних к восстановлению оного. Впоследствии же предрасположения его г. Вязмитинова к обращению ординцов благим образом на путь истинный, о котором в том представлении изъяснено, как сие известно из вышеупомянутого письма его к генералу-прокурору от 3 апреля, (л. 47 об.) получа он в разрешение высочайший ея в-ва указ от 30 июня прошедшего 1795 года, учинил при бывшем выборе хана Меньшой орды такие распоряжения, что сей выбор пал на одобряемого им и бывшим губернатором Пеутлингом упомянутого султана Ишима, которого, как от г. Пеутлинга прежде донесено было, и самые противники желали, доведя пред тем враждующих между собою султанов и старшин до того, что и кочующия в самых отдаленных в степи местах приверженцы Сырымовы, и он сам находились не в весьма большом разстоянии от кочевья Ишима, делая между собою пересылки, как и где им видеться; при чем, как донесено от него г. Вязмитинова ея им-у в-ву от 9 октября прошлого 1795 года, воспользуясь он случаем собрания всего, что есть в орде лучшего и знаменитого, убедил их, что они клятвенно обещались употреблять неусыпные старания об отыскании и (л. 48) возвращении похищенных россиян, коих, по прежнему его уведомлению, считалось невыданных с 1782 года 505 человек, также и других от здешней стороны претензий, помышляющих же на дерзости и злодеяния от того воздерживать и не допускать. А между тем хан, испрося к себе претерпевших ощутительные потери разграблением товаров, при бытности еще с ними посланного от него г. Вязмитинова, старался о удовлетворении их исков, из коих одни совсем удовлетствованы, а о других учинены сходные с желаниями претендующих меры. — При отпуске ж собрания раз'ехаться по своим местам видел уже он собрание сие в примирении между собою, и род Алималинской, в котором всегда держались враждующий противу нынешнего хана, оказывающим свою к нему приверженность так, что достижение водвориться (л. 48 об.) в Меньшой орде тишине и спокойствию кажется быть благонадежным; но при письме к генералу-прокурору от 10 января сего года сообщил г. Вязмитинов копию со всеподданнейшего к ея в-ву донесения, в котором между прочим изъяснено, что от 29 сентября прошлого 1795 года имел он шастие всеподданнейше доносить, что известный Сырым оставался еще без раскаяния, и что впредь следующее время не упустит он из виду его начинаний, пребудет ли еще сей киргизец в закоснелости, или, видя себя оставленного от всех почти своих и важнейших приверженцев, прибегнет к раскаянию, а потому и употреблял он прилежные способы, чтобы вызвать его в Оренбург, от чего однакож он Сырым под

разными видами уклоняется, опасаясь, может быть, чтоб там задержан не был.

Когда, после выбора нового хана, кочуя он с небольшим числом кибиток не в дальности (л. 49) от линии, подвинулся аулами своими в степь, то поручено от него г. Вязмитинова надежным людям вести под рукою примечание, около которых мест сей киргизец возимеет на зимнее время свое пребывание, с каким количеством людей, и не будет ли учреждать поведение свое в добром порядке, или же по прежнему обращаться в противных замыслах. Вследствие чего и получил уведомление, что Сырым имел расположение между реками Эмбою и Сыр-Дарьею близь отрога Аральского моря, с некоторым небольшим числом людей, замыслы оставались еще в неизвестности. Между тем получено и собственнo от него Сырыма к нему г. Вязмитинову представление, подписанное купно с ним десятью его сообщниками, которые, устремляя мету свою на подарки, яко бы для них там полученные, и наполняя оное лживыми соплетениями, просят о выдаче жалованья ему Сырымy,—кого хранится при экспедиции пограничных дел удержанного у него за незначительное исправление им должности (л. 49 об.) своей, и за другия непристойныя поступки по день выключки его из старшинского звания четьреста рублей,—также о исхода-тайствовании оного вновь султану Исянгилю, Чункай бию, во уважение доброго их яко бы управления подчиненными им киргизцами, и о выдаче жалованья ж Сигизбай бию с товарищи всего трех человек наследникам их, у которых также удержано оное за поущение ими подчиненных своих на похищение российских людей и на грабеж имущества их. А как вслед за сим Меньшой орды хан известил г. Вязмитинова, будто Сырым обще с известным злодеем Табынцем Дасы-бараком, пригласив к себе (л. 50) из воров человек до 200, умышляют учинить нападение на калмык, переведенных из-за Волги к Индерским горам, то дондеже удостоверено будет о подлинности Сырымова поступка, удерживается он г. Вязмитинов некоторым удовлетворением его прозбы и самым учинением ему отписания, а между тем к отвращению удачи злоумышляющих приняты надлежащия меры.

Относительно упомянутых в сем донесении калмык обстоятельство в разсуждении их и в разсуждении самих киргизцов Меньшой орды (л. 50 об.) по переселению тех калмык есть следующее: ея им-е в-во на всеподданнейший доклад г. генерала-аншефа и кавалера Ивана Васильевича Гудовича о кочевье калмык кавказского наместничества и о содержании от них кордонской стражи против киргис-кайсаков в высочайшем рескрипте, данном ему г. генералу-аншефу от 19 апреля 1793 года, как видно из копии письма его к г. генералу-порутчику Вязмитинову от 2 июля 1795 года, к генералу-прокурору доставленной, предписать соизволила: «Перевод калмык с (л. 51) горной стороны Волги на луговую признаем мы полезным в разсуждении собственной их выгоды, обуздания киргизцов и сбережения казны от излишних расходов, на содержание стражи употребляемых, почему и желаем, чтоб вы усугубили старание склонить большую их часть на таковую переход; доколе однако ж не совершится сие предположение самым делом, нужно составляемую из калмык ведомства кавказского наместничества Кордонскую стражу против киргис-кайсак продолжать, переведя ее от Ахтубы к реке Узенью, дабы чрез то сократить цепь, закрыть Елтонское и другие соленые озера и ближайшую составить связь с уральским войском». (л. 51 об.) Во исполнение чего, учиня он г. аншеф надлежащия предписания о склонении калмык, находившихся на местах, войску Донскому принадлежащих, к переходу на луговую сторону на твердое и всегдашнее их пребывание с нужными для них выгодами, пред-

ложил по сему случаю и уральской войсковой канцелярии, что к перепуску впредь на внутреннюю сторону киргизского скота в зимнее время для паствы назначены от него места выше Индерских гор, ибо тут будет против их двойной кордон, а ниже Индерских гор, где будет кордон от уральского войска, (л. 52) положено их не пропускать, а дабы киргизцы к переходу в запрещенные места допускаемы не были, о том от бывшего губернатора уфимского Пеутлинга предписано было оренбургской пограничной экспедиции предложить учрежденному в орде ханскому совету, так как в сие время хана еще избрано не было, также расправам, султанам, и старшинам, управляющим родами, а равным образом от него г. Пеутлинга сообщено и командовавшему тогда оренбургским корпусом покойному генералу-порутчику Реку о учинении пособия уральскому войску в случае сильного покушения на то киргизцов. Хотя же от упомянутого учрежденного в орде ханского совета и вступило (л. 52 об.) представление по просьбам от киргизцов, в немалом количестве вниз реки Урала кочующих, что по запрещению перегона скота ниже Индерских гор, и как на их стороне не токмо скот вместить, но даже и улусам их, якобы, теснота быть может, киргизцы, лишьась чрез то способа к разномыслию скота своего, легко обратиться могут к худым предприятиям, и ханской совет имеет опасение, дабы они не напались принужденными отложиться от границ наших и приобщиться к киргизцам, в степных местах пребывающим, ибо сии последние внушают им, дабы они от Урала удалились и обще (л. 53) с ними поступали по своему произволу,—но как оренбургская пограничная экспедиция изъяснила г. Пеутлингу в своем о том представлении, что с состояния о перепуске киргизского скота на внутреннюю сторону высочайшего ея им-го в-ва соизволения еще не более минуло 10-ти лет¹, а до того времени киргизской скот всегда содержался на степной стороне и внутрь ни в котором по линии месте отнюдь перегоном не был, и что по сделанной токмо привычке пользоваться выгодными для них местами кажется им прискорбно вдруг лишиться оных, то он г. Пеутлинг и предписал упомянутой экспедиции учинить ханскому совету отзыв и внушить киргизским султанам, старшинам и народу, что перегон скота ниже Индерских гор, по безпримерному милосердию и великодушию всемиростивейшей государыни, дозволен им был единственно на то время, когда степи, лежащие там, были пустопорожние и никем из российских (л. 53 об.) верноподданных не занимаемы, ныне ж, по премудрому ея им-го в-ва распоряжению, признано необходимо потребным переменить оные места назначением перепуска киргизскому скоту выше Индерских гор, а потому бы они киргиз-кайсаки, повинувась высочайшей ея им-го в-ва воле, на переход со скотом в запрещенные места не усиливались, а обратились с оным туда, где во всякое время позволение им дано быть имеет. При определении же в должность генерала-губернатора уфимского вышеупомянутого г. генерала-порутчика Вязмитинова сообщено ему было по воле ея им-го в-ва от генерала-прокурора и в разсуждении означенного перегона киргизского скота на внутреннюю сторону, дабы он, вникнув в просьбы киргизцов, касающиеся до сего перепуска их на внутреннюю сторону ниже Индерских гор и выше до Илецкого городка и сообразив все местные сего перепуска обстоятельства, (л. 54) не произведет ли настоящее запрещение действительно каких-

¹ Какое точно, когда и кому повеление об оном дано было, сего по делам генерала-прокурора не видно, кроме того, что в 1786 году барон Игельстром по просьбе общества старшин и протич, в верности присягу учинивших, в безпрепятственном пропуске скота их на внутреннюю сторону, дал им знать, что о том ведение его, кому надлежит, дано. (Прим. подлинника.)

либо невыгодных для здешней стороны следствий, учинил сношение с г. генерал-губернатором кавказским и потом, что будет положено на мере, представил бы на высочайшее ея им-го в-ва разрешение. Вследствие чего и сообщил г. Вязмитинов упомянутому г. генералу-аншефу в апреле месяце 1795 года, что по соображении всех касающихся до перепуска киргизцов обстоятельств в относительности тамошних мест, находит он, что, по великому множеству содержимого ими скота, необходимую они имеют надобность зимою в кормовых местах на внутренней стороне, по нижне-уральской линии лежащих. Доказательно сие тем, что в позволенных ныне им, стесненных противу прежняго урочищах, между Индерской крепости и Уральскаго городка, перепущено ими оного внутрь границ более 700 000, следовательно, означенныя их прозбы (л. 54 об.), по мнению его, и кажутся быть не без основания; будучи ж сей народ удостоен оказываемою ему по всемилостивейшему соизволению ея им-го в-ва со здешней стороны благопризрения, заслуживают они внимания тем более, что в течение 10 лет киргизцы, пользуясь пажитною для скота своего паствою ниже Индерских гор, не только сами к кочеванию там зделали привычку, но даже, сколько известно, и скот их в осенняя ненастные времена уходить в те места стремится, и что, отказав им навсегда в прежнем на то позволении, легко поселиться может в строптивыя их сердца неудовольствие, а с тем вместе и повод к нарушению в орде спокойствия и к причинению беспокойства границам. При чем изъяснено от него г. Вязмитинова, что как неизвестны ему обстоятельства касательно распоряжений, каковыя упомянутым (л. 55) г. генералом-аншефом учинены в разсуждении переселения калмык от Волги на вновь назначенныя места, то сообщая ему о том, что касается до оренбургских обстоятельств, просил его г. генерала-аншефа, по соображении оных с первыми, не оставить уведомлением, полезнейшим ли для дел и спокойствия граничнаго признает он г. генерал-аншеф предпринятое переселение калмык, или разрешение запрещенного ныне киргизцам перегона скота ниже Индерских гор, или же по благоусмотрению его не может ли найтись средство в размерении выгод по тому и другому предметам. Что ж касается до перепуска киргизскаго скота от Уральска выше к Илецкому городку, то дал он ему г. генерал-аншефу знать, что подвержено сие совершенным неудобствам, по причине занятия бывших тут степей казачьими хуторами и самым городком, от котораго крепость Разсыйная состоит в 20 только верстах, и разныя селения Оренбургской (л. 55 об.) округи находятся в близком к линии разстоянии, а в таком тесном соседстве по своевольству киргизцов родились бы всеко-нечно многия и разные вредныя приключения.

В ответ на сие отношение упомянутой г. генерал-аншеф уведомил г. генерала-порутчика Вязмитинова письмом от 2 июля, о котором выше сего изъяснено, что, по мнению его, г. Гудовича, поселение по силе высочайшаго повеления на тех местах, о коих киргиз-кайсаки просят, спокойных калмык с употреблением их на службу и содержанием кордонной стражи зделает несравненно больше пользы, нежели позволение там кочевать киргиз-кайсакам, а посему и прозбы оных о даче им вообще всем позволения к перекочеванию на Рынь-пески удовлетворять не следует, кроме как из числа их одним тем, кои действительно состоят в подданстве ея им-го в-ва (л. 56) и в верности непоколебимы, которых пропускать теперь, по мнению его, можно и ниже Индерских гор, поколику по новому расположению кардона и ниже оных опять будет двойной кардон, но только с согласием на то калмык, и что таковым образом удовлетворится могут калмыки и благонамеренные киргизцы, обратятся опасность от их наглостей, и не потеряют они

ничего в разсуждении запрещеннаго прежде пропуска их ниже Иnderских гор, вопрошая при том г. Вязмитинова, согласен ли он на сии положения и пропуск киргиз-кайсаков для дел и спокойствия границ, кому имянно и в каком числе производить нужно, также не может ли чрез то быть каковых-либо злоупотреблений и от тех киргиз-кайсаков, кои по надежности иметь будут таковое позволение. На сие г. Вязмитинов между прочим отвечал ему г. генералу-аншефу в письме от 20 августа, что вся Меньшая киргиз-кайсацкая орда числится в подданстве ея им-го в-ва, но не может он ни ручательства сделать, не выдет ли злоупотребления от тех, кои иметь будут позволение переходить ниже Иnderских гор, (л. 56 об.) ни сказать того, кому имянно и в каком числе тот пропуск производить нужно; следуя ж предположениям его г. генерала-аншефа можно будет предписать оренбургской экспедиции пограничных дел, чтоб она всякой раз, благовременно изтребовав от учрежденнаго в Меньшей киргиз-кайсацкой орде, по высочайшему ея им-го в-ва соизволению, ханскаго совета или их хана сведение, каких родов киргиз-кайсакам, в добром учреждении своего поведения благонадежным, дано быть может позволение перепускать скот их ниже Иnderских гор, и в каком числе, — доставляла оное к кавказскому г. правителю наместничества, которой может по соображениям дать свои относительно до того пропуска на кардонную стражу, ниже Иnderских гор содержанную, предписания, на что и просил он г. Вязмитинов удовольствия его г. генерала-аншефа. А между тем правитель кавказскаго наместничества (л. 57) войска уральскаго атаману бригадиру Доскову и в оренбургскую экспедицию пограничных дел в отношении из'явил, что как калмыки Дербетева улуса переправлены уже на Волгу для кочевья на степях между Волгою и Большим Узенем, а от онаго по Камыш-Самаре до реки Урала по Иnderския горы, то бы посему киргиз-кайсаки от Иnderских гор вниз до Гурьева городка ни под каким видом перепущаемы не были. Вслед же за тем Меньшой киргиз-кайсацкой орды хан Ишим в представлении к нему г. Вязмитинову из'яснил, что той орды разных родов старшины, бии, мурзы и батыри принесли к нему прозьбу, что вольские калмыки с их аулами, перейдя чрез реку Волгу к Бухарской стороне не расположились, от чего киргиз-кайсакам со скотом своим в зимнее время кочевать уже нет возможности, и просили о его ходатайстве, дабы, расположение помянутых калмык между Волгою и Уралом (л. 57 об.) в урочище Рынь-пески отсавить, а по-прежнему позволить кочевать тут одним киргизцам, почему и просил он хан тем калмыкам приказать перекочевать обратно, а места, на которые они теперь перешли, оставить для одних киргизцов, и, буде самому ему г. Вязмитинову сего сделать не можно, то учинил бы об оном всеподданнейшее ея им-му в-ву донесение. Но он отвечал хану, что по известным уже ему чрез отписании пограничнаго начальства в 1794 и 1795 годах, причинам, по коим воздерживается пропуск киргиз-кайсацкаго скота ниже Иnderских гор на внутреннюю сторону, просимаго им позволения дано быть не может, но что не возбраняется перегон скота выше Иnderских гор, в местах позволенных. После чего сообщил он г. Вязмитинов при письме к генералу-прокурору от 1 декабря прошедшаго 1795 года, и копию с отзыва (л. 58) к нему г. генерала-аншефа Гудовича на вышеозначенное письмо к сему последнему от 20 августа, в котором между прочим из'яснил он ему, что как перекочевавшие прежде с земель кавказскаго наместничества на Дон Дербетева улуса калмыки по высочайшему повелению в продолжении прошедшаго лета перешли уже с донских земель на назначенныи им на луговой стороне реки Волги места, и ежели б позволить переходить

туда в большом числе и киргиз-кайсакам, могли бы переселенные калмыки потерпеть от того утеснение, то по уважению того, полагая перепуск киргиз-кайсакам ниже Индерских гор делать во всем сходно с положением своим, изъясненным в письме к нему Вязмитинову от 2 июля, тем только, которые состоят в подданстве (л. 58 об.) ея им-го в-ва и в верности непоколебимы, с согласия на то калмык с обязательством киргиз-кайсаков, чтобы во время их на местах, калмыкам принадлежащих, кочевья не делали ни малейших обид и притеснений, согласуется он г. Гудович с мнением его г. Вязмитинова, поручить по предположению его оренбургской экспедиции пограничных дел, чтобы она при случае прозб киргиз-кайсаков на пропуск их на Рынь-пески, отобрав от ханского совета сведение, какого рода киргиз-кайсаки, в каком числе просят такового пропуска, и благонадежные ли они люди, давала о том знать г. правителю кавказского наместничества, которому одаче предписания кордонным начальникам по соображению обстоятельств на перепуск их от него генерала-аншефа Гудовича и предписано. Вслед за сим получил генерал-прокурор от г. (л. 59) Вязмитинова письмо от 3 генваря сего года, в котором изъяснил он, что киргиз-кайсаки на внутреннюю сторону в запрещенные места между Индерской крепости и Гурьева городка чиют весьма усиленные покушения, так что едва линейною стражею от того удерживаются, а хан Меньшой орды поновляет свою прозбу, дабы по тесноте назначенных к перегону скота мест, отчего, как изъяснено в письме к нему г. Вязмитинову, с которого доставлена копия, доведены киргизы до крайняго разорения, употреблено было ходатайство в пользу их о помянутых запрещенных местах, или б позволено было самим им о том просить, на что также он г. Вязмитинов в отзыве своем хану, помещая те же причины, по коим в просимыя ими урочищи воздерживается перепуск скота, рекомендовал ему, дабы он всему киргиз-кайсацкому народу подтвердил о прекращении усильнаго напряжения (л. 59 об.) к перегону скота в места запрещенныя и о произвождении онаго там, где позволено, и что впротчем не уклоняется он выполнить желания их всеподданнейшим представлением ея им-му в-ву прошения их. Все сие предложено было генералом-прокурором на разсуждение совету и согласно с положением онаго генерал-прокурор по воле ея им-го в-ва сообщил г. Вязмитинову в письме от 10 апреля нынешняго 1796 года, что вышеозначенной первой отзыв его хану Ишиму о невозможности дать позволения киргизцам к переходу в запрещенныя места, ея в-во изволят находить весьма приличным, так как и другой от него ему учиненной; но при том соизволяет всемиростивейшая государыня, чтобы и вышеозначенное предложенное им о перепуске на внутреннюю сторону (л. 60) киргизцов, в верности благонадежных, распоряжение, которое, будучи одобрено и вышеупомянутым г. генералом-аншефом, служит к доставлению вящей удобности киргизцам, не имеющим, может быть, действительно довольного пространства для паствы скота выше Индерских гор, приведено было в надлежащее исполнение, отвращая при том всякое притеснение и обиды, кои бы иначе последовать могли калмыкам от перепуска киргиз-кайсаков на желаемыя ими места; но буде бы и за сим облегчением стали киргизы устремляться на непозволенной переход, на таковой случай ея им-е в-во нужным почитать изволит, чтобы со стороны его г. (л. 60 об.) Вязмитинова, яко начальствующаго на линии, приняты были все зависящие от него меры к испровержению таковых продерзостей надлежащим отпором и возмездием; но между тем каково от него г. Вязмитинова доставлено к генералу-прокурору при письме, от 5 марта полученное им еще от хана и учрежденнаго при нем совета прошение, к тому же перепуску относящееся,

с оного, а равно и с того письма так, как и с выписок, доставленных от него при письмах от 12 и 26 числа марта о происшествиях, какие случились уже между киргизцами и переселенными калмыками, прилагаются при сем для лучшего усмотрения копии под буквами И, Г и К.

11

(л. 61) Что касается до внутреннего состояния и пограничных обстоятельств по Средней орде, то она, как писал сюда в 1793-м году генерал-поручик Апухтин, находилась тогда в порядке, и таких дерзостей, какие от Меньшой орды при оренбургских границах бывають, не происходит, чему причиною, полагал он, хорошее правосудное управление хана, султанов, биев и старшин, и что на внутренней стороне нет таких народов, которые б оную орду беспокоили и подавали повод к дерзости или иногда и к отмщению, ибо всю почти дистанцию около границ на внутренней стороне занимают селениями земледельцы и казаки, по большей части упражняющиеся в том же ремесле, из российского народа, в каковом положении, в разсуждении спокойства по границе сибирских линий, находится сия орда и поныне, ибо не было оттуда донесений, чтобы там произошли от киргиз-кайсака какая-либо чрезвычайныя дерзости. (л. 61 об.) Но в разсуждении хана сей орды Вали, которой возведен был в сие достоинство в 1782-м году, правивший должность генерала-губернатора Иркутского и колыванского генерал-поручик Якобий доносил ей им-му в-ву о непослушании сего хана в удовлетворении по обязательству его разных претензий за отца его Аблай хана, так как и не в отдаче нескольких человек отсюда бежавших и киргисцами захваченных, в чем и зделано ему Вали от покойного действительного тайного советника князя Александра Алексеевича Вяземского по воле ей им-го в-ва применение при сем случае отпуска бывших от него здесь в 1784 году депутатов, на которое зделал он ответ, что предписанное ему исполнить не оставит. После того приносили на него жалобы двое старшин той орды, в 1788 году здесь бывшие, в разных наносимых (л. 62) им и прочим усердствующим стороне здешней старшинам грабительствах и обидах. По поводу оных дан был указ повшему на сибирских линиях генералу-поручику Огареву, дабы за поступками Вали хана делано было наблюдение. Наконец и генерал-поручик Штрандман, ныне там командующий, доносил сюда в 1792 году, что хан Вали по уходе в 1771 году из российского подданства немалого числа вольских калмык, которые захватили с собою насильственным образом от Астрахани россиян и под покровительством России живущих там трухменцов, сих, последних, которые от калмык в Средней орде киргисцами отбиты, удерживал у себя в противность верноподданническому его долгу более 20 лет в неволе. Однако же они при пособиях, от него Штрандмана употребленных, в числе 320 человек оттуда вышли (л. 62 об.) и потом вследствие высочайшего ей им-го в-ва указа, данного ему Штрандману от 20 декабря 1792 года по желанию их переведены на прежнее их жилище к Астрахани. По объявлениям же их о недоброхотстве к здешней стороне и дерзостных поступках хана Вали предписано было и ему г. Штрандману в упомянутом указе удерживать сего хана в пределах должности способами, в оном указе изясненными. А между тем и еще в начале 1793 года принесены были на него Вали жалобы от нескольких старшин в разных также причиненных им от него грабительствах и обидах. И как за выходом означенных трухменцов оставалось в степи имение их и свойственники, которых хан содержал сверх того по дошедшим сведениям в неволе и российских людей до 25 человек (л. 63),

а при том и вольских калмык, за всеми со стороны г. Штрандмана настояниями и убеждениями чрез нарочные к нему посылки не отдавал, и принял было намерение всех их разделить по степи, то под прикрытием посыланной в степь в 1793 году под предлогом рубки дров воинской команды и упомянутыя оставшиися в орде достальныя трухменцы в числе 38-ми человек на здешнюю сторону вышли и также переведены уже к Астрахани; но от сего родилось неудовольствие хана и братьев его на генерала-порутчика Штрандмана в том, что чрез посылку упомянутой команды причинены, якобы киргисцам многия разорения и что и сказанные достальныя трухменцы не есть будто бы российские подданные, в чем однако ж при произведенном в Омске следствии депутаты, от хана (л. 63 об.) присланные, никаких ясных доказательств не зделали; по поводу же принесенных от него хана во всем том на генерала-порутчика Штрандмана жалоб, так как и изветов по сему случаю, учиненных от находившагося на линии генерала-майора Баувера, высочайше позволено было от ея им-го в-ва приехать ему Вали по желанию его для объяснения тех жалоб самому в здешнюю столицу, а по уклонности его от сего приезда позволено наконец прислать избранных от него депутатов. А между тем, откуда происходили с обеих сторон обыски в разсуждении отправления оных, что продолжалось слишком год, хан Вали уведомил между прочим г. генерала-порутчика Вязмитинова в письме¹, присланном (л. 64) к нему в исходе прошедшего 1795 года, что он Вали с находящимися на сибирских линиях начальствующими генералом Штрандманом и бригадиром Шрейдером, командующим брегадою и пограничною на тобольской и ишимской линиях, находится уже в согласии и спокойствии. И так депутаты от хана, хотя уже сюда и прибыли, но не более как с прошением его, заключающимся только в том, чтобы ему прибавлено было жалованье, так как он получает сего менее хана Меньшей орды, и чтоб депутатов его позволено было отправлять ко двору ея в-ва с прошением от него во всякое время безпрепятственно. Генерал же порутчик Штрандман, — так как хан в разсуждении сказанной прибавки ему жалованья и к нему настонт прозьбою, — в репорте своем свидетельствует, что по смерти брата того хана, султана Чингиса, которой, пользуясь доверенностию (л. 64 об.) его, по склонности своей к дерским поступкам, старался и в хане поселять равные пороки, оказывается в поступках сего хана великая перемена, и что теперь основывает он себя с лучшим к Российской империи доброходством, в подтверждение чего и вышеупомянутой бригадир Шрейдер при случае отправления тех депутатов изяснил в письме к генерал-прокурору от 1 февраля сего года между прочим следующее: что он при начале командования там нашол, что вся Средняя орда разными интригами, большею частью прежде возникавшими от упомянутого бывшаго ханскаго брата Чингис султана, разделена была на разные, одну против другой противные партии, а чрез то происходило непрестанно у киргисцов междоусобное грабительство, как следствие того раззорения, от котораго народ их дошел до совершенной бедности, приумножа тем природную склонность (л. 65) к воровству на получение добыч, особливо в пропитание свое снискиваемых, что навлекало и для границ беспокойство, к прекращению чего старался он Шрейдер паче всего иметь с ханом Вали в собрании лучших старшин личное свидание, на что он в прошедшую осень и согласился, и Шрейдер, пользуясь тем, имел успех возстановить между всеми ими совершен-

¹ С сего письма доставлена от г. Вязмитинова к генералу-прокурору копия при письме его от 1 декабря. (Прим. подлинника.)

ное согласие, получив при том от самого хана Вали в упомянутом собрании старшин такое обещание, что он без сношения с нашим пограничным начальством не только ничего в орде сам собою один никогда не предпримет, но при помощи того начальства стараться будет утвердить навсегда прочное спокойствие, и сие доказывает ныне тем, что в претензиях, киргисцами между собою имеемых, производит справедливые разбирательства, не попуская уже, по их обыкновению, как прежде было, управляться силою и грабежем; (л. 65 об.) да и для возвращения всяких иногда убытков, причиняемых на границах наших, выдает всех тех киргисцов, которые в воровстве приличатся, а что такое расположение его в отношении к общему правлению с начальством тамошним отныне впредь непоколебимо будет, и что он наиболее утверждает верноподданническую свою должность в засвидетельствование всего онаго при отправлении сюда вышесказанных депутатов послал в числе оных сына своего родного султана Бич-Гали. В прочем со стороны той части киргис-кайсак Средней орды, которые прилегают кочевьем своим к левому флангу Оренбургской линии и состоят под начальством некоторых султанов и старшин, произошли в начале 1795 года дерзости неоднократными вторжениями их внутрь линии с причинением людям до несколько человек убивства, увозом нескольких с собою и захватом у башкирцов Челябинской и Верхо-Уральской округ многочисленных (л. 66) конских табунов и рогатого скота, то причиною сему, как по разведываниям и перепискам со стороны генерала-поручика Вязмитинова с означенными султанами и старшинами открылось: своевольствовавшие киргисцы ставят — якобы башкирцы разных волостей в течении 1793 и 1794 годов во время самовольных переездов за линию (что действительно происходило, и некоторые из них уже наказаны) отогнали у киргисцов до 10 000 лошадей и когда они неоднократно приносили о том жалобы тамошнему пограничному начальству, то не получили будто никакого удовольствия и потому сами они принуждены были учинить над башкирцами взаимную, так называемую ими, баранту или захват, и хотя сии киргисцы из опасения от башкирцов удалились было от линии в степь далее, но по убеждениям от г. Вязмитинова начальников их, яко то султана Абулгазия и Барака батыря, что от башкирцов никакого вреда учинено им (л. 66 об.) быть не может, в чем от него Вязмитинова учинены, кому следовало, строжайшие предписания, разошлись они опять на прежние места, уверяя, что они злаги против России умысла не имеют, кроме сохранения спокойствия, о чем уведомил г. Вязмитинов генерала-прокурора письмом от 21 ноября прошедшаго 1795 года, и с того времени, чтобы произошли с обеих сторон какие-либо шалости, известиев сюда поныне не доходило. Между тем о возвращении похищенных теми киргисцами людей и скота он г. Вязмитинов перепискою своею с ханом Вали и упомянутыми начальниками оных настоял сильнейшим образом. И как старшины, против Оренбургской линии располагающиеся для производства мены, между прочим в отношении своих к нему г. Вязмитинову требованию его о сем возвращении всего ими с здешней стороны похищенного удовлетворить откажутся, отзываясь, что и у них отогнано лошадей (л. 67) не мало и предлагая по неудобности взаимного возвращения оставить обоюдныя претензии без взыскания и находиться в покое, но ныне, согласно с разсуждением совета, генерал-прокурор сообщил ему по воле ея им-го в-ва в письме от 10 числа апреля, что всемилостивейшей государыне благоугодно было повелеть дать ему знать, что хотя сии киргисцы и уклоняются от предложеннаго им справедливаго роцета и удовлетворения требований здешним, но тем не менее нужно, чтобы

он г. Вязмитинов продолжительно старался пристойным образом убеждать их на добровольное возвращение всего ими захваченного, обещая с здешней стороны взаимно оказать в основательных требованиях их все возможное удовлетворение.

Наконец — 12-е.

Что принадлежит до Большой киргис-кайсацкой орды, то в выше-означенном высочайшем ея им-го в-ва рескрипте, данном от 2 мая 1784 года правившему тогда должность (л. 67 об.) генерала-губернатора уфимского г. генералу-порутчику Апухтину предписано было между прочим в 10-м пункте и об оной следующее: «Стараться Большую киргис-кайсацкую орду и каракалпаков приласкать и обратить в подданство наше, а хотя до сего времени в разсуждении первой почиталось препятствием, что в оной начальствуют. султаны, произшедшие от хивинского хана, которой варварским образом поступил с известным князем Бековичем, но преступление предка не навлекает мщенье на потомки его, и особливо, когда уже оно самим временем в забвение приведено, почему и не может быть никакого помешательство в принятии сего султана в подданство наше и в утверждении ему ханского чина. Но было ли после от него Апухтина или от других бывших там после него начальников какое-либо по сему обстоятельству к ея им-му в-ву представление, по делам у генерала-прокурора не известно, кроме того (л. 68), что по поводу данного командовавшему прежде на Сибирских линиях генералу-порутчику Огареву от 15 июля 1788 года высочайшаго указа, чтобы по просьбе некоторых киргиз-кайсацких старшин в принятии их из дальних степей во внутреннюю российскую сторону сим прошением удовлетворять, принят был в вечное российское подданство той самой Большой орды султан Чурыгей, которому под поселение близ Усть-Каменогорской крепости вследствие высочайшаго имянного указа от 28 февраля 1789 года и место отведено, и которой, следуя своему обязательству, согласил перейти на российскую сторону в особое российское подданство Сиван-Кирейской волости киргисцов до 4 000 и 16 человек тапкинцов. Да сверх того в 1793 году просил о принятии в вечное российское подданство той же Большой орды султан Тугум с подвластным ему народом, во сте кибитках состоящим, к которым мог по объявлению ево присоединить еще столь же, котораго по сему генерал-порутчик Штрэндман и велел перепустить внутрь границ.